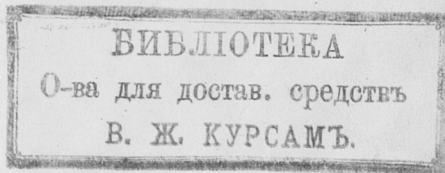
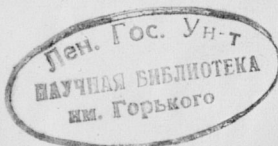

W3

ВЪ ГЛУХОМЪ МѢСТЕЧКѢ

РАЗСКАЗЪ

Н. Наумова.

3150 / 8.11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

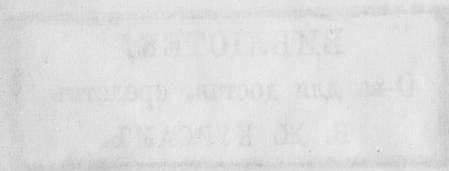
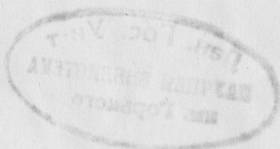
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площадь Большого Театра, 2.

1893.

7970 РУССК. КН.

МЗ

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 7 Января 1893 года.

Handwritten notes on the right edge of the page, including the number '27' and some illegible characters.

ВЪ ГЛУХОМЪ МѢСТЕЧКѢ

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается В. Г. Короленко).

BY THE COURT

IN FAVOR OF

10

I.

— Такъ-то, братецъ, вы еще жалуетесь, а посмотрите на меня, какъ я живу! Каждый день—одно и то же. Вотъ, мы не видались нѣсколько лѣтъ: вы, конечно, перемѣнились, вы этакъ, знаете, жили, общество всякое, взгляды тамъ разные, новости,—а я все тутъ! И наизусть знаю, какъ для меня пройдетъ день: сейчасъ придуть мнѣ докладывать, я буду подписывать, потомъ кричать, потомъ поѣду по дѣламъ, а дѣла-то мои... эхъ!

Лаврентій Ардаліоновичъ отодвинулъ ногою стоявшій около него стулъ и, засучивъ рукава своего халата, началъ бриться. Было около девяти часовъ утра.

Лаврентій Ардаліоновичъ Алексѣевъ былъ полицейскимъ надзирателемъ мѣстечка Николаевки, въ которомъ еврейское населеніе преобладало надъ другими національностями,—и находился въ этой должности около тридцати лѣтъ. Высокаго роста, съ сѣдыми усами, стройный, онъ производилъ впечатлѣніе еще бодрого служаки, несмотря на свои 65 лѣтъ. Говорилъ онъ басомъ, держался съ особеннымъ достоинствомъ и былъ грозою для всѣхъ обывателей мѣстечка. Но служба его не удовлетворяла и дѣлала его не въ мѣру раздражительнымъ. То придирки исправника, то непріятныя порученія, наконецъ долгое пребываніе въ гниломъ захолустьѣ и полное одиночество,—все это превратило его, дворянина Алексѣева, въ „угрюмое старое чудовище“. Что касается исправника, то тотъ былъ „вполнѣ бюрократъ“, „человѣкъ;

нисколько не уважающій людей низшей полицейской іерархіи“, „анакронизмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи“,—говаривалъ Алексѣевъ. А развѣ можно при такихъ условіяхъ чувствовать себя хорошо человѣку чуткому, у котораго есть еще душа и нервы? Мудрено ли, что все ему надобно, начиная со службы со всѣми сослуживцами и подчиненными?—„Бррр!“—воскликнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, рассказывая мнѣ о нихъ. Да, Лаврентій Ардаліоновичъ не безъ основанія былъ особенно дурно настроенъ въ это утро, жалуясь на свою судьбу. Его радостное лицо при видѣ меня (я пріѣхалъ въ Николаевку послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія) смѣнилось въ конецъ мрачнымъ и недовольнымъ, когда онъ сталъ говорить о себѣ...

Алексѣевъ продолжалъ бриться, а я принялся разсматривать его комнату, въ которой не нашелъ почти перемѣнъ. Тѣ же столы, стулья, кровать, только надъ письменнымъ столомъ висѣла новая картина, изображающая пріемную князя по „Губернскимъ Очеркамъ“ Н. Щедрина. Лаврентій Ардаліоновичъ очень любилъ сочиненія Щедрина, изъ которыхъ онъ приводилъ часто цитаты, какъ бы въ доказательство того, что онъ выше своей среды и знаетъ ей настоящую цѣну.

— Въ мѣстечкѣ Мыколаевки...—началь-было докладывать на-распѣвъ появившійся вдругъ урядникъ; но Лаврентій Ардаліоновичъ не далъ ему докончить и указывая на него бритвой, произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ не угодно ли!... Курица подохла, что-ли, или жида накуралесили?—спросилъ онъ урядника.—Убрать!—приказалъ онъ, подавая ему бритву, щеточку и мыло.

Урядникъ вышелъ съ принадлежностями бритья, а Лаврентій Ардаліоновичъ сталъ облачаться въ свою форменную одежду. Ему прислуживалъ вызванный имъ по звонку де-

сятскій, который за неудачно поданный сапогъ или рукавъ мундира удостоивался званія то осла, то болвана. Окончивъ свой туалетъ, надзиратель присѣлъ къ столу, недалеко отъ меня.

— Ну, рассказывайте, Яковъ Григорьевичъ, что вы подѣлывали, гдѣ бывали. Мы столько лѣтъ не видались, что я, право, отъ души радъ вашему приѣзду. Что васъ привлекло къ намъ?

— Поселиться здѣсь думаю, Лаврентій Ардаліоновичъ...

— Здѣсь?!.. Ну, ужъ это что-то такое, чего я и не пойму! Извините меня: что вамъ здѣсь интересно? Какая здѣсь пища уму, да еще молодому? Да я бы, будь моя воля, пѣшкомъ бы удралъ отсюда, право...

— Школу хочу здѣсь открыть, да и къ своимъ приглядѣться... все-таки жизнь вѣдь и это...

— Жизнь-то жизнь... впрочемъ, я тутъ ничего не разберу, это не по моей части. Ну, когда-нибудь еще поговоримъ, а теперя я займусь немного. Кагайловъ!

Вошелъ урядникъ.

— Почту!—приказалъ надзиратель.

Кагайловъ положилъ на столъ нѣсколько запечатанныхъ пакетовъ. Лаврентій Ардаліоновичъ принялся вскрывать ихъ, но при этомъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи потѣшиться надъ вытянувшимся передъ нимъ урядникомъ:

— Вотъ онъ и есть настоящій жидоморъ! Вы у него спросите, какова здѣсь жизнь; знатокъ—я вамъ скажу—онъ мѣстныхъ типовъ...

Лицо Кагайлова было неподвижно, точно не о немъ шла рѣчь: его больше всего, повидимому, интересовала почта.

— „Объявить“!—читалъ Лаврентій Ардаліоновичъ,—ну, объявить... это неважно. „Минскому мѣщанину Хацкелю Лейбову Ициксону“... Ага, пошелъ уже... начинаются пре-

лести... „По обвиненію въ прожигательствѣ по чужому па-
спорту“... Кагайловъ, слышите?

Кагайловъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ.

— „Имѣю честь“... гмъ, а я—удовольствіе и очень
пріятное.—Остальное онъ дочиталъ про себя.—„Предлагаю
вашему благородію немедленно“...—Лаврентій Ардаліоно-
вичъ, прочитавши и эту бумагу про себя, скомкалъ и бро-
силъ ее на другой конецъ стола.

— Кагайловъ, сколько здѣсь жидовскихъ хедеровъ?—
спросилъ онъ урядника.

— Четыре.

— Безъ разрѣшенія?

— Такъ точно!

— Извольте-ка радоваться! — разсвирѣпѣлъ Лаврентій
Ардаліоновичъ:—да еще и за нихъ отвѣчай! А я и забылъ
объ ихъ существованіи, чортъ бы ихъ побралъ! Составить
протоколы!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ??—передразнилъ онъ урядника.—Всѣмъ вѣдь
тоже нельзя,—бормоталъ онъ въ раздумѣ:—поднимутъ ге-
валтъ... А никому не составить послѣ этого (онъ указалъ
на скомканную имъ бумагу)—невозможно...

— Кому прикажете?

— Себѣ!—вдругъ закричалъ Лаврентій Ардаліоновичъ:—
себѣ, за отсутствіе всякой сообразительности. Ну, хоть бы
капля соображенія: стойтъ, вотъ, хлопаешь глазами! Извольте
уходить по дѣламъ!

Онъ махнулъ рукою вслѣдъ уходившему уряднику и об-
ратился ко мнѣ:

— Не угодно ли: „немедленно“! Легко написать! А
поди-ка исполни! Зайдешь—обступятъ тебя жиденята, иной
затрясется, какъ въ лихорадкѣ, Ривка его начнетъ выть,

да еще, на бѣду, беременная... Каменный я, что-ли? А въ чемъ дѣло, я васъ спрашиваю? Учитъ вѣдь жидъ тамъ по своему, аферы здѣсь никакой, хлѣба хочеть... Андрей!

Десятскій прибѣжалъ и выстроился.

— Дуракъ!

— Прикажете заложить?

— Да-съ, прикажу... пошелъ вонъ!.. Того и гляди, еще паспорта, какъ водится, не окажется,—вотъ тебѣ и „сугубое“. Да-съ, душу возвышающее занятіе, я вамъ доложу, эта возня съ жидовскими увертками... А тутъ еще люди нарочно приѣзжаютъ изъ культурныхъ центровъ. Что-жь, полюбитесь на насъ... Да, вотъ, кстати!—крикнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, очутившись раньше меня на улицѣ:— Какъ тебя тамъ, эй, Шлѣмка, чортъ бы тебя побралъ, пошелъ сюда! Полюбитесь,—сказалъ онъ мнѣ,—хоть этимъ экземпляромъ! изучайте! а у меня онъ сидитъ уже вотъ гдѣ!

И онъ указалъ рукою на свой затылокъ.

Изъ-за угла улицы показалась фигура еврея, лѣтъ 45—50, въ черномъ длиннополномъ сюртукѣ, съ черными маленькими пейсами, съ очками на носу, съ тонкими ногами, обутыми въ сапоги съ рыжими голенищами, въ которыя были засунуты панталоны. Услыхавъ начальственный окрикъ, онъ ускорилъ свою походку и, дѣлая маленькіе шаги, замахалъ толстой палкой съ загнутымъ верхнимъ концомъ; еще на довольно значительномъ разстояніи отъ надзирателя Шлѣмка снялъ съ головы свой картузь и очутился въ засаленной ермолкѣ. Одна нога его была короче другой, на лѣвомъ глазу — бѣльмо. Черная, длинная, клинообразная борода рѣзко оттѣняла блѣдное лицо; очевидно, страдая одышкой, еврей пыхтѣлъ и, приблизившись къ намъ, постарался изобразить любезную улыбку, которая не вязалась съ его запуганнымъ и непривлекательнымъ видомъ.

— Чучело! — привѣтствовалъ его Лаврентій Ардаліоновичъ:—ишь ты джентельмень! Фу, ты, Боже мой!

Надзиратель не зналъ, какъ сильнѣе выразить свое обращеніе къ Шлѣмкѣ, а Шлѣмка смотрѣлъ вопросительно то на него, то на меня. Въ его глазахъ выразалось желаніе не разсердить какъ-нибудь начальства и поскорѣе убраться. По всему было видно, что они съ надзирателемъ старыя знакомыя, что Шлѣмкѣ не въ-первой выслушивать подобныя клички; напротивъ, ему было бы, пожалуй, странно если бы надзиратель обошелся съ нимъ какъ съ человѣкомъ, какъ съ „ребѣ Шлойме“, напримѣръ, а не со Шлѣмкой.

Лицо Шлѣмы было очень типичное; это было лицо талмудиста-философа, черпающаго свои воззрѣнія и всю мудрость изъ талмуда, агадъ *) и поученій. Его маленькіе глазки были задумчивы; онъ слегка морщилъ лобъ, какъ бы уносясь мысленно въ область преданій и поученій, которыя онъ призываетъ на помощь въ трудныя минуты, чтобы не потеряться въ лабиринтъ житейскихъ мелочей.

— Ишь, чучело чортово! Да и плутовать, я вамъ скажу,—посмотрите только на рожу...

Я посмотрѣлъ на эту „рожу“, но увидѣлъ въ ней вовсе не плутоватость. Шлѣмка улыбался слабой снисходительной улыбкой. Лаврентій Ардаліоновичъ, конечно, не могъ допустить и мысли, что передъ нимъ — глубокій философъ, относящій и его, надзирателя, и свою съ нимъ встрѣчу, и всѣ его насмѣшки, какъ частности, къ нѣкоторой общей философской схемѣ. Но это было именно такъ. Въ улыбкѣ Шлѣмки, въ легкихъ морщинахъ, мгновенно собравшихся на лбу, я прочиталъ сожалѣніе философа къ бѣдному человѣку, который грѣшитъ по глупости. Такъ,

*) Преданія.

вѣроятно, улыбался знаменитый раввинъ, ребе Гилель, когда его оскорбляли. Ребе Гилель, одинъ изъ творцовъ талмуда, славился тѣмъ, что никто не могъ его разсердить; онъ всегда съ грустью отвѣчалъ оскорблявшему его: „что тебѣ угодно, сынъ мой? Не сердись, прошу!“ Чудовищнымъ показалось бы Лаврентію Ардаліоновичу самая мысль о томъ, что Шлѣмка снисходитъ къ нему, Шлѣмка съ пейсами и, можетъ статься, безъ паспорта! И однако оно было именно такъ.

— У тебя есть еще хедеръ?

Шлѣмка какъ бы очнулся: передъ нимъ была дѣйствительность; онъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Рожа, вѣдь тебя спрашиваютъ!

Шлѣмка смотрѣлъ умоляюще. Я зналъ, что мое вмѣшательство въ подобныя минуты, когда Лаврентій Ардаліоновичъ былъ золъ, ни къ чему не поведетъ, и въ свою очередь молчалъ.

— Ну, не смѣшно ли? и онъ хитритъ! Ахъ, ты, чучело гороховое! Ты у меня безъ штукъ; слышишь ли, что говорить тебѣ? Мнѣ не до шутокъ со всякимъ уродомъ. Разгони жиденятъ своихъ, а то я велю составить протоколъ и передать его судебному слѣдователю. Ступай, ступай... нечего... пошелъ!

Шлѣмка пробормоталъ что-то неслышно и поплелся, оглядываясь назадъ и не рѣшаясь надѣть свой картузь: послѣднее онъ себѣ позволилъ, когда уже былъ довольно далеко отъ насъ.

— Ну, что, вѣдь прелесть?—спросилъ меня Лаврентій Ардаліоновичъ:—вы довольны субъектомъ?

— Очень доволенъ!—отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Вы это серьезно? Ну, помогай вамъ Богъ, а я не доросъ до пониманія прелестей этого типа... Что дѣлать?

Однако у меня дѣла, и болтать не приходится... До свиданья...

II.

Я долго бродилъ по улицамъ Николаевки, гдѣ каждый уголокъ былъ мнѣ знакомъ по старымъ воспоминаніямъ, всматривался въ лица обывателей, съ которыми въ недалекомъ будущемъ предстояло мнѣ сблизиться, знакомился кое съ кѣмъ и усталый возвратился къ себѣ. И все время образъ Шлёмы не давалъ мнѣ покоя: „Что это за человѣкъ?— думалъ я:— чѣмъ онъ живетъ, кому улыбается естественно открытой улыбкой, и почему мнѣ кажется, что я, какъ будто, встрѣчалъ его раньше?“

Понемногу мои воспоминанія прояснились: да, я дѣйствительно звалъ Шлёму. Это было еще въ дни моего дѣтства...

Какъ-то разъ въ субботу, послѣ обѣда, когда старшіе, по обычаю, пошли отдыхать, я забрался во дворъ синагоги. Обойдя ее, я замѣтилъ у задней стѣны отворенную дверь отдѣленія для женщинъ и, остановившись, услышалъ тихое жужжаніе слабого женскаго голоса. Я взобрался на ступеньки, сталъ у порога и разглядѣлъ между скамейками сгорбленную спину старухи, читавшей что-то стоя. Когда я подошелъ ближе, старуха повернула ко мнѣ доброе старческое лицо.

— Иди сюда, сыночекъ, иди ко мнѣ! — ласково позвала она.

Я повиновался.

— Чей ты?—спросила она, погладивъ меня по щекѣ.

Я назвалъ имя моего отца.

— Вотъ какъ! Куда же ты, котикъ, идешь?

— Гуляю, бабушка. А ты что дѣлаешь?

— Молюсь, сынокъ, молюсь; сегодня суббота, и я читаю псалмы.

— Развѣ женщинамъ это нужно?

— Отчего же нѣтъ? Богъ всѣхъ услышитъ. Всевышній да спасетъ тебя: ты умный мальчикъ.

— Бабушка, а отчего ты не дома?

— Нѣтъ, сынокъ, я дома.

— Гдѣ же ты живешь?

— А вотъ за этой дѣрью я всегда сплю и ѣмъ, а здѣсь молюсь и учу дѣвочекъ. Славныя дѣвочки, сынокъ; спасибо старостѣ синагоги: онъ позволилъ мнѣ жить здѣсь.

— А у тебя есть дѣти?

— Есть сынъ и внуки, дай Богъ имъ здоровья. Сынъ мой—пусть Всевышній осчастливитъ его!—имѣетъ хорошее дѣло. У него большое семейство, я ихъ стѣсняю, а тутъ мнѣ лучше.

— Какъ же онъ отпускаетъ тебя?

— И-и, сынокъ, зачѣмъ такъ говорить! Не надо осуждать, никого нельзя осуждать, не надо, миленькій. Ты хорошій мальчикъ, у тебя такое мягкое сердце.

У меня показались слезы,—такъ трогалъ меня ея голосъ, убогое платье и нищенскій видъ.

— Бабушка, а кто же тебѣ ѣсть приноситъ?

— Птичка моя дорогая, какой ты добрый бухгалтер *)! Благословенъ Всевышній!—имѣю все. Не печаль меня своимъ жалобнымъ голоскомъ, иди, котикъ, ты мнѣ мѣшаешь.

И она опять принялась молиться. Но я не могъ уйти; мнѣ захотѣлось приласкаться къ ней, слушать ее. Что-то хорошее, теплое и жалостное закопошилось въ моемъ десятилѣтнемъ сердцѣ.

*) Молодецъ.

— Бабушка, какъ ты хорошо молишься... Вѣдь я понимаю, что ты читаешь.

Она засуетилась и испуганно подошла ко мнѣ.

— Болячка на меня за то, что я огорчила дѣтское сердце!—воскликнула она, съ страстной нѣжностью глядя меня по головѣ и щекамъ.—Что съ тобой, сыночекъ, не плачь! Пусть мнѣ достанется за каждую твою дорогую косточку, за твое сладкое лицо, дитя мое! Это псалмы, псалмы царя Давида; онъ плакалъ передъ Господомъ, изливалъ передъ Нимъ свое сердце. Ну, и я, старая дура, не выдержу порой, тоже заплачу передъ Богомъ...

— Отчего никто не молится такъ, какъ ты?.. А что же ты дѣлаешь всегда?

— Молюсь, сынъ мой, всегда молюсь, мой умный сыночекъ! А еще Богъ подкрѣпляетъ меня, даетъ мнѣ силы благословлять Его, помогать, чѣмъ могу, несчастнымъ, бѣднымъ дѣточкамъ, у которыхъ ѣсть нечего,—пусть Господь не накажетъ за эти слова! Хожу, когда надо, по богачамъ, когда случатся умирающіе, больные, которымъ никто не помогаетъ—пусть это не зачтется никому на томъ свѣтѣ! Сдѣлаю что-нибудь, такъ и душѣ легче. Грѣхъ роптать, грѣхъ, сынъ мой!.. Боже мой, да что съ тобою?

— Бабушка, ты добрая! Я бы хотѣлъ у тебя учиться!—сказалъ я въ сильномъ волненіи.

— Что ты, птичка моя, чему я тебя, глупая, научу? Развѣ женщины учатъ мальчиковъ? У тебя такой хорошій отецъ, онъ можетъ найти для тебя такого учителя, что Богъ и люди, какъ говорится, позавидуютъ тебѣ. Вотъ *ребѣ Шлойме*—пусть Господь продлитъ его лѣта. Это хорошо, что ты хочешь учиться, будешь хорошимъ евреемъ, а то много, сынъ мой, злыхъ людей — пусть Господь не накажетъ за эти слова!..

И она продолжала гладить мои волосы и шептала слова какой-то молитвы...

Послѣ я узналъ, что старуху звали Ханой. У нея былъ богатый сынъ, но злая, ненавидѣвшая ее невѣстка выгнала ее изъ дому и даже запретила приходиться любоваться внуками. Хана добывала себѣ хлѣбъ тѣмъ, что обучала дѣвочекъ молитвамъ. Изъ своего мѣсячнаго дохода въ 9—10 рублей она умудрялась жертвовать еще на бѣдныхъ. Нѣсколько разъ уже она набирала себѣ на саванъ, который набожные евреи запасаютъ при жизни, чтобы всегда быть готовыми къ смерти. Но если умирала какая-нибудь бѣдная еврейка, которую не на что было похоронить, — Хана отдавала съ благословеніями свой похоронный уборъ и принималась готовить новый.

— Дай Богъ, чтобы вы долго жили! — говорила она хлопотавшему о погребеніи умершей, — за то, что даете бѣдной старухѣ возможность сдѣлать доброе дѣло.

Питалась она хлѣбомъ и водою, хлопотала о приданомъ для бѣдныхъ дѣвушекъ, лекарствахъ для больныхъ и въ свободное время молилась. Она никогда не сердилась, не отзывалась дурно о другихъ и никому не позволяла злословить въ своемъ присутствіи. Бывало, когда уличные мальчишки, завидя ее, начнутъ ее дразнить: „Хана горбатая, Хана беззубая, тебя сынъ выгналъ, ай-ай-ай!“ — она только обернется и скажетъ: „Дѣточки мои, чтѣ вы говорите? Пусть Богъ не накажетъ васъ за эти слова! Чтѣ я вамъ сдѣлала? Мнѣ ничего, но вамъ, дѣтки, грѣшно: старую женщину не слѣдуетъ вамъ обижать!..“

Вотъ отъ кого я слышалъ въ первый разъ имя ребе Шлойме, который предсталъ передъ надзирателемъ въ видѣ уроды Шлѣмки. Хана произносила это имя съ благоговѣніемъ...

Приближался закат солнца. На улицах улеглась пыль; воздухъ становился мягче; городъ затихъ; блѣдный еще мѣсяцъ, будто улыбаясь, подымался изъ-за деревьевъ. Недалеко отъ дома, въ которомъ я жилъ, на площади, старый мельникъ „Хвилипъ“ завелъ свою вѣтряную мельницу и отъ удовольствія затынулъ „пѣсню“, которая такъ гармонировала съ настроеніемъ природы, меланхолическимъ и незлобивымъ. Пѣсня становилась все громче, крылья вертѣлись все живѣе подъ дыханіемъ вечерняго вѣтра, темнѣющая площадь, оживляясь, проникалась мелодіей, и даже деревья отъ удовольствія важно помахивали вершинами. .

„Ой, у полі могила...
Зъ вітромъ говорила...“

Кто-то постучался у моихъ дверей... Я отворилъ и увидѣлъ передъ собою блѣднаго, усталого Шлѣму.

— Я имѣю къ вамъ просьбу; я думаю, что вы это сдѣлаете для меня! — произнесъ онъ растерянно, снявъ съ головы своей картузь. Голосъ его дрожалъ робкой мольбой...

— Да зайдите, пожалуйста, въ комнату! — попросилъ я; но Шлѣма посмотрѣлъ на это какъ на лишнюю формальность, могущую только отнять лишнее время...

— Что за важность! — произнесъ онъ нерѣшительно: — не такое великое несчастье, если я и здѣсь постою.

— Но я не могу васъ такъ слушать!

Шлѣмка лѣниво перешагнулъ черезъ порогъ, держа въ одной рукѣ картузь, въ другой палку, и остановился въ недоумѣніи. Я предложилъ ему сѣсть. Онъ нехотя повиновался, причѣмъ вынулъ красный ситцевый платокъ, которымъ вытеръ себѣ лобъ, и положилъ картузь на столъ.

— Какъ хорошо теперь на улицѣ, около мельницы! — сказала я, чтобы начать разговоръ.

Шлёма пожалъ плечами и кивнулъ головой.

— Да, да!—сказалъ онъ съ пренебреженіемъ. Затѣмъ вся его фигура какъ то уменьшилась; онъ робко взялъ картузъ и, какъ бы поднимаясь, чтобы уйти, произнесъ опять:

— Вы можете сдѣлать для меня доброе дѣло: вѣдь вы еврей... хотя... и въ другомъ видѣ, но все-таки еврей и навѣрное не желаете зла другому еврею. Упросите пана или сами, или черезъ Розенфельда (это еще лучше!), не трогать меня. Розенфельдъ, какъ богачъ, и вы, какъ знакомый пана, навѣрное его уговорите...

— Хорошо, ребе Шлойме,—улыбнулся я:—я постараюсь. Но зачѣмъ вы спѣшите? Садитесь, пожалуйста, я хочу немного поговорить съ вами. Я до вашего прихода думалъ о васъ; мнѣ хочется познакомиться съ вами поближе, — вѣдь мы будемъ жить въ одномъ мѣстѣ. Не уходите!

Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то любопытствомъ и, опустившись на стулъ, пожимая снова плечами, про-
бормоталъ:

— Что тутъ знакомиться! мы и такъ знакомы.

— Скажите мнѣ: откуда вы, ребе Шлойме?

— Мало ли откуда! Не все ли равно! Есть о чемъ беспокоиться и говорить!

— Но вѣдь вы не здѣсь родились?

— Что за важность!

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать, а между тѣмъ мнѣ такъ пріятно съ вами: вы напоминаете мнѣ мое дѣтство, Хану... которую я очень любилъ!

— Вотъ какъ!—воскликнулъ онъ:—вы ее знали?

— Чтò, она жива еще?

— Ну, а если жива, такъ что же?

— Какъ чтò! Мнѣ хотѣлось бы видѣть ее и всѣхъ старыхъ знакомыхъ. Я пріѣхалъ только сегодня на разсвѣтъ...

Шлёмка слегка забарабанилъ пальцами по столу.

— Вы, значить, учились до сихъ поръ?—спросилъ онъ.

— Да, учился.

— У насъ все *это* есть,—сказалъ онъ со вздохомъ:—нѣтъ новаго подъ солнцемъ, какъ сказалъ премудрый Соломонъ.

— Много у васъ дѣтей въ хедерѣ?

— Въ моемъ хедерѣ? Богъ знаетъ! пусть они живутъ долго; еврейскія дѣти, ихъ нельзя, по закону, считать.

— Какъ же вы знаете свои доходы, наконецъ?

— Э, глупости! У насъ сказано: „не будь работникомъ за плату, работай не ради платы!“ Вотъ такъ, этими самыми словами и сказано.

— А хорошіе у васъ ученики? вы довольны ими?

— Есть разные, только всѣ шалуны: все бы имъ играть да бѣгать. Въ наше время мальчики съ пяти лѣтъ учились по цѣлымъ днямъ и по вечерамъ... Ну и выходили таки головы, острые мозги: раввины, рѣзники, судьи по духовнымъ дѣламъ.

Онъ опустилъ голову.

— Все отъ Бога!—продолжалъ онъ уныло.

— Нѣтъ, вы уже черезъ-чуръ требовательны: дѣтямъ нужно давать побольше свободы, имъ нужно рѣзвиться. Вотъ вы, извините меня: въ васъ нѣтъ жизни, вы слишкомъ замучены. Не оттого ли, что съ дѣтства васъ жали и лишили свободы?

— Можетъ быть,—лѣниво отвѣтилъ онъ:—а впрочемъ... извините и вы меня,—началъ онъ болѣе энергично:—я думаю, что вы меня извините... Я васъ спрошу объ одной маленькой глупости: вотъ вы уже образованы,—объясните мнѣ посредствомъ вашей физики, химии и алгебры, зачѣмъ еврейскимъ дѣтямъ свобода? Къ чему имъ рѣзвиться

и гдѣ? Га! какой въ этомъ смыслъ? Я понимаю: я у себя дома, чувствую себя свободно, никто не плюетъ мнѣ въ лицо, не бросаетъ въ меня, для потѣхи, камнями — тогда мнѣ понятно. (Онъ взялъ свою бороду въ кулакъ и глаза его приняли сосредоточенное выраженіе). Если мнѣ маленькому мальчишки кричатъ „жидъ“, когда я стараюсь перебѣжать улицу, чтобы попасть въ хедерь, то если я съ дѣтства привыкну къ свободѣ—по вашему — и стану держать себя независимо... (онъ освободилъ бороду и, припѣвая извѣстнымъ образомъ при постройкѣ своего силлогизма, сталъ медленно водить кулакомъ вправо и влѣво)... то какой видъ это будетъ имѣть для нихъ? Га! У насъ въ талмудѣ сказано: бѣдность украшаетъ Израиля. Еврей долженъ ходить съ опущенной головой, не лѣзть на глаза, помнить, что онъ чужой, что онъ не дома,—это разъ навсегда! Вотъ, еслибъ всѣ евреи не лѣзли въ ихъ шапки, и не было бы зависти, а еврейскимъ дѣтямъ была бы польза: они учились бы тому, чему учились ихъ предки, знали бы свое дѣло. Такъ пока выходить по моему глупому разуму, а дальше, можетъ быть, оно и не такъ. Но меня это не задѣваетъ! Я иду себѣ своимъ ходомъ и больше ничего!

— Ну, хорошо, пусть такъ: мы не сговоримся. Однако, чтѣ же думать: гдѣ по вашему выходъ?

— Чтѣ думать?—Ѣдко улыбнулся онъ:—ничего не думать! То-то и есть...—Онъ помолчалъ немного. — Вы учились талмуду?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ Богъ съ вами, такъ и быть, поговорю съ вами еще. Вотъ садитесь поближе ко мнѣ и выслушайте хорошую исторію изъ талмуда: она вамъ пригодится.

Я усѣлся около него, а онъ снова вытащилъ свой крас-

ный платокъ, опять вытеръ лобъ и, кашлянувъ, съ удовольствіемъ началъ:

— Слушайте только хорошенько и вы увидите, что и у насъ есть тоже малость хорошаго. Мы не гонимся за алгѣброй, — она, положимъ, тоже мудрость, но это: „жуй и плюй!“ Мы углублены въ мудрость предковъ: въ ней нѣтъ дна. Прошу васъ, слушайте со вниманіемъ, вы вѣдь сами меня затронули. Хорошо, что вы мнѣ это припомнили. Былъ у насъ давнымъ-давно великій раввинъ „Нухимъ и это“. Такъ его звали. Почему его такъ звали? Вѣдь вопросъ: отчего *это*... „Нухимъ и это“? Пусть будетъ „Нухимъ“, зачѣмъ еще и „это“? Имѣйте же время. Какое бы несчастье съ нимъ ни случилось, онъ всегда говорилъ: „и это къ лучшему“. Теперь вы понимаете? Пойдите же! Однажды онъ внезапно ослѣпъ, и у него отнялись руки и ноги, и лежалъ онъ въ ветхой избушкѣ и все повторялъ про себя: „И это къ лучшему!“ Ну, имѣетъ ли это смыслъ? Погодите же. Вотъ онъ слышитъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ около него учениковъ сѣтуетъ на то, что учитель можетъ погибнуть въ лачугѣ, потому что она во всякую минуту можетъ обрушиться. Тогда ребе Нухимъ говоритъ: „Не бойтесь; пока я лежу здѣсь, изба будетъ цѣла“. Когда ученики его услышали это, то одинъ изъ нихъ спрашиваетъ его: „Ребе, если ты такой великій чудотворецъ, почему же ты не сдѣлаешь... не сдѣлаешь, что бы ты“...

Онъ остановился, по обыкновенію евреевъ предоставлялъ слушателямъ угадывать слѣдующія слова разсказа...

— Выздоровѣлъ! — подхватилъ я.

— Выздоровѣлъ? — повторилъ онъ: — га, вы слушаете? На это ребе Нухимъ отвѣтилъ: „Это я самъ накликалъ на себя болѣзнь. Горе мнѣ, что согрѣшилъ! Шель я однажды съ запасомъ ѣды и питья; пришлось мнѣ перейти черезъ

мость. Вижу: по ту сторону моста лежитъ умирающій нищій и знаками просить ѣсть. Я поспѣшилъ къ нему; но когда я очутился возлѣ него, онъ былъ уже мертвъ. Тогда я, въ большемъ горѣ, заплакалъ и взмолился: глаза мои, видѣвшіе умирающаго брата, умершаго потому, что я не поспѣлъ въ-время, да ослѣпнуть! Руки мои, не подавшія въ-время помощи, да отнимутся, ноги мои также. Вотъ какъ это было". Ученики его заплакали и воскликнули: „Горе намъ, дорогой учитель, что съ тобой это случилось!“ Но ребе Нухимъ—память праведника благословенна!—отвѣтилъ имъ: „Горе, великое горе мнѣ было бы, если бы со мной *это не случилось!*“... Теперь, если у васъ хорошая голова, вы должны понять вкусъ всего разказа.

Глаза Шлѣмки горѣли; онъ все вытиралъ свой лобъ и смотрѣлъ на меня побѣдоносно.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ я: — я понялъ вкусъ разказа. Скажите мнѣ, ребе Шлойме, откуда вы? Гдѣ вы жили, чѣмъ занимались и много ли вытерпѣли?

— Что мнѣ рассказывать вамъ, мой любезный братъ!— началъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, со вздохомъ, ласковымъ тономъ, который меня чрезвычайно тронулъ:—я таки-довольно натерпѣлся. „Насильно ты родишься, насильно живешь, насильно умираешь“. Это въ талмудѣ. Вѣдь я, какъ говорится, тоже мясо и кровь. Грѣшу, но говорю вамъ объ этомъ, потому что вы сильно просите.—Гдѣ я родился? А если я родился въ Ковенской губерніи, такъ что? Что изъ этого выйдетъ?—Чѣмъ я занимался? Чѣмъ я могу заниматься? Я былъ то учителемъ, то судьей, то проповѣдникомъ,—но развѣ даютъ жить? Былъ я въ Кіевѣ, училъ дѣтей; надо же, чтобы еврейскія дѣти знали свой законъ. Кто его знаетъ?—если бы его хорошо исполняли, благо было бы, ибо сказано: „и изъ Сіона выйдетъ наука, и Божье

слово изъ Иерусалима“. Меня оттуда выгнали. Куда мнѣ идти? Ну, я васъ спрашиваю: у меня шестеро дѣтей, жена и старикъ-отецъ (миръ да снзойдетъ на него!)—надо намъ жить, или нѣтъ? Какъ по вашему? Ну что! Я попробоваль спрятаться въ другомъ кварталѣ—меня тамъ поймали, побили меня и со всей моей бѣдностью, что я только имѣль, выгнали изъ города. А что церемониться!.. Когда я былъ еще молодымъ, другія заботы: военщина. Это было лѣтъ 35 тому назадъ. Слушай, такой ходъ: я съ четырехъ лѣтъ учился и таки всѣмъ сердцемъ былъ углубленъ въ ученье. Когда мнѣ стало двадцать лѣтъ, я уже вышелъ на маленькую дорогу, могу уже быть, что называется у насъ, хоть „кусочкомъ человѣка“: сказать проповѣдь, разрѣшить трудный вопросъ въ талмудѣ, въ библии,—все, что необходимо въ еврействѣ, вѣдь безъ этого нельзя,—такъ нѣ: поди служить въ солдаты!.. Слушай, какой умъ: я по-русски не понималъ ни слова. Гдѣ мы жили? Жили въ глуши, въ старой банѣ была школа; тамъ я выросъ, занимался съ учителями по днямъ и ночамъ. Учителя! Что же это за люди? Люди, которые знали весь талмудъ,—хоть разбуди ихъ въ полночь, такъ они тебѣ цѣлыя страницы наизусть,—и безъ алгебры, и даже безъ физики тоже! Ну, оставимъ это! Что же дальше?.. Га! Гдѣ я остановился? Да, такъ я долженъ служить, не перебивайте же меня! Притомъ. еще совсѣмъ красивая вещь: я единственный сынъ у своихъ родителей,— что же это за право? Тотъ, которому надо было служить по закону, заплатилъ еврейскому шульцу, а онъ велѣль схватить меня. Тогда хватали, были особыя ловчіе... хорошій свѣтъ былъ тогда! Ну, мы это оставимъ. Я убѣжалъ, спрятался, прятался по чердакамъ, въ прихожихъ синагогъ, и слава Богу, до сихъ поръ ничего... Что еще? Много ли я вытерпѣль? Пустое! это еще ничего, но что же дальше

будеть? Былъ я въ Варшавѣ, тоже училъ дѣтей. Жить мнѣ тамъ почему-то давали,—можетъ быть потому, что упростили полицію, а можетъ быть, тамъ всѣмъ позволяется жить,—развѣ разберешь?.. Учениковъ было мало, но все хорошіе, одинъ изъ нихъ — гений, съ нимъ заниматься—таки-просто вкусъ рая. Разъ сидимъ, учимся,—вдругъ стукъ, шумъ... Вижу: толпа мужиковъ, пьяные, рвутся къ намъ. Дѣти разбѣжались, а я съ семействомъ заперся въ чуланѣ. Стекла наши перебили, мебель разломали, взяли перину моей жены и выпустили изъ нея пухъ, потомъ взяли за книги. Я видѣлъ это черезъ щелку. Тутъ я выскочилъ. Они стали топтать книги ногами; а когда я началъ ихъ упрасивать, кричать, меня выбросили въ окно, я себѣ ногу сломалъ,—вотъ, до сихъ поръ хромаю... Да чтò! А вы говорите: „еврейскимъ дѣтямъ свободу, рѣзвиться!..“ Ну, ну, красивый видъ!.. Но о чемъ мы говоримъ? Развѣ есть, о чемъ говорить? Пустыя дѣла. Вотъ, если бы я былъ такимъ богачемъ, какъ у насъ Абрамъ Розенфельдъ, совсѣмъ другое было бы: я бы дѣлалъ все, что хочу, настроилъ бы школъ, больницъ... Да чтò! просто думать о такомъ, что, какъ говорится, можетъ случиться въ три недѣли подъ Варшавой—вѣдь тоже не планъ. Но теперь всѣ кричатъ вокругъ тебя (таковъ уже свѣтъ!): дай свой „страхъ!“

Послѣднія слова онъ произнесъ по древне-еврейски.

— То-есть, какъ страхъ?

Шлѣмка оживился, и съ его лица исчезли малѣйшіе слѣды горя.

— Вотъ то-то и есть, этого вы не знаете, а тутъ есть смыслъ. У насъ есть счетъ по буквамъ. Иногда слово нужно понимать не такъ, какъ оно значить, а какъ значить слово съ одинаковой суммой буквъ. Это называется *бегиматри*. „Свой страхъ“ поэтому значить — „деньги“.

Онъ улынулся, наслаждаясь моимъ недоумѣніемъ.

— Но это пустяки!—продолжалъ онъ:—вотъ, когда нибудь, хоть въ эту субботу, придите въ синагогу... Я буду говорить; вы увидите, что значить *бегиматри* и многое другое. Въ талмудѣ и библии надо умѣть въ трудныхъ случаяхъ обращаться съ тѣми и другими способами. Это очень интересно, тутъ есть умъ, можно все забыть, всѣ ваши неумѣстные вопросы. Впрочемъ, я не люблю вникать въ такия тонкости: *отчего мнѣ плохо*, или: какое теперь время!.. Да какое мнѣ до этого дѣло? Мудрецы были у насъ... Да, такъ, пожалуйста, попросите пана надзирателя—пусть онъ меня не трогаетъ.

Онъ всталъ и, опираясь на палку, направился къ двери и на порогѣ, не глядя на меня, сказалъ:

— Мнѣ некогда; я еще долженъ просмотрѣть одну книгу.

И онъ вышелъ.

Посѣщеніе Шлѣмы взволновало меня. Мнѣ сильно захотѣлось помочь ему, уговорить Лаврентія Ардаліоновича. Розенфельдъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ скорѣе другихъ повліять на надзирателя, и я рѣшилъ немедленно отправиться къ нему.

Вдругъ окно, выходившее на улицу, раскрылось и въ немъ показалась опять голова Шлѣмы. Онъ наскоро occupal свой носъ двумя пальцами правой руки и, сіяя довольствомъ и даже торжествомъ, спросилъ:

— Чтò, по вашему, необходимѣе: молитва, постъ или благотворительность?.. Ага, это уже не по вашимъ силамъ, тутъ ужъ вы ничего не понимаете! Еслибы я вамъ объяснилъ это, вы бы поняли тогда, что такое на свѣтѣ мудрость. Ну, да что!

Я не успѣлъ ему еще ничего отвѣтить, какъ онъ, мах-

нужь безнадежно рукой, сталъ быстро удаляться, вертя своей палкой; я могъ только разслышать произнесенное имъ съ желчью слово: „алгебра!“

— Ребе Шлойме, на одну минуту, прошу васъ! — крикнулъ я ему.

Онъ остановился.

— Объясните, пожалуйста, что вы хотѣли сказать?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья: — вы въ этомъ ничего не чувствуете. Если ужь очень хотите, придите или въ синагогу, или ко мнѣ. Мнѣ еще нужно просмотрѣть книгу — и молиться, кажется, тоже надо. Спокойной ночи!

III.

Въ выкрашенной масляными красками столовой, вокругъ большого четырехугольнаго стола, семейство Абрама Давидовича Розенфельда сидѣло за чаемъ. Дѣти, въ грязныхъ рубахахъ и полуоборванныхъ платьяхъ, пили „въ прикуску“, прихлебывая изъ блюдечекъ, и глазами сравнивали величину данныхъ имъ кусочковъ сахару. „Ага, у меня больше, а что!“ — говорила шопотомъ маленькая дѣвочка, повидимому любимица хозяйки. Въ отвѣтъ на это сидѣвшій возлѣ нея мальчикъ ущипнулъ ее за руку.

— Эй, вы, свиньи, тише тамъ! — усмирилъ Абрамъ Давидовичъ расходившихся дѣтей, умолявшихъ при его грозномъ окрикѣ.

Абрамъ Давидовичъ сидѣлъ, положи руки на столъ; въ одной онъ держалъ стаканъ, а другую изогнулъ подъ прямымъ угломъ, держа между пальцами ея толстый янтарный мундштукъ. Слабый свѣтъ висячей лампы придавалъ богатырской фигурѣ хозяина, отъ котораго вѣяло самодовольствомъ и презрѣньемъ ко всему, какой-то мрачный отбѣ-

нокъ. Рядомъ съ хозяиномъ помѣщалась его жена, Эсѳирь, и семнадцатилѣтняя дочь, Рахиль.

Когда я вошелъ, меня тотчасъ же обступили дѣти; одинъ мальчикъ, ковыряя предо мною въ носу, загородилъ мнѣ дорогу къ столу, и только послѣ крика Абрама Давидыча: „Аронъ, тебя сколько разъ надо учить порядочности и вѣжливости, болванъ!“ — я могъ приблизиться къ Розенфельду и пожать его руку.

— Здравствуйте, здравствуйте! — привѣтствовалъ меня Абрамъ Давидовичъ. — Вотъ хорошо, что вы пришли. Образованному человѣку мы всегда рады. Эсѳирь, ты узнаешь, кто это?

— Чтò тутъ не узнать? Я знаю, кто: — отвѣтила Эсѳирь, какъ будто оскорбленная тѣмъ, что ее считаютъ неспособной узнать человѣка, да еще меня; но потомъ, почувствовавъ нѣкоторую неловкость, она спросила, стараясь быть любезной:

— Вы, можетъ быть, хотите чаю?

— Большого спрашиваютъ, здоровому даютъ! — замѣтилъ Абрамъ Давидовичъ.

Эсѳири сдѣлалось совсѣмъ неловко; она быстро налила мнѣ стаканъ жидкаго чаю и придвинула ко мнѣ сахарницу.

— Пейте, развѣ я жалѣю! Берите сахаръ. Вы можете пить въ наладку, ничего: вы насъ не обидите.

Она съ видомъ жертвы подперла голову рукою и обратила свой взоръ въ другую сторону, какъ бы ища тамъ защиты отъ претерпѣваемой несправедливости.

— Я къ вамъ съ просьбой, Абрамъ Давидовичъ! — сказалъ я.

— А съ какою именно? — спросилъ онъ, нахмурия брови.

— Аврумъ! — прервала хозяйка, повернувъ голову въ сторону мужа: — ты хочешь услышать что-нибудь лучшее?

Уже, слава Богу, съ завтрашняго дня мясо будетъ дороже цѣлой копѣйкой на фунтъ.

— Ну, что же дѣлать! — успокоилъ ее Розенфельдъ и опять обратился ко мнѣ: — Въ чемъ же состоитъ ваша просьба?

Эсфирь злобно посмотрѣла на него.

— А что, развѣ тебя что-нибудь задѣваетъ? — вознегодовала она: — тебя ничто не задѣваетъ. У тебя цѣлая рѣка денегъ. Тебя ничто не трогаетъ, ты знаешь только свою мельницу, до остального тебѣ дѣла нѣтъ. Вонъ, иди цѣлуйся съ машинистомъ, онъ соскучился по тебѣ.

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то жутко: Розенфельдъ усиленно глоталъ дымъ; дѣти робко переглядывались; барышня водила пальцемъ по блюдечку, опустивъ глаза.

— Рахиль, знаешь что? — началъ Абрамъ Давидовичъ, желая загладить рѣзкость жены: — сыграй намъ что-нибудь!

— Ахъ, папа, что же я сыграю! — отвѣтила дѣвушка, съ краской въ лицѣ и съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Ты уже не знаешь что! — опять не выдержала Эсфирь: — она уже ничего не знаетъ. Развѣ ее учили? Развѣ мы въ состояніи ее учить? Что ей такое, если мы тратимъ на нее свою кровь, чтобы она была похожа на прочихъ порядочныхъ дѣвушекъ! Когда не нужно, тогда она пищитъ, хоть убѣги изъ комнаты.

— Сыграй мнѣ мое любимое! — попросилъ Резенфельдъ.

Дѣвушка подошла къ стоявшему въ углу столовой фортепяно, отыскала нужныя ноты и начала играть.

— Это рапсодія извѣстнаго композитора Листа! — пояснилъ мнѣ Розенфельдъ, когда раздались пискливые аккорды. Что-то бурное, пласкивое, съ хриплыми звуками, пронеслось мимо ушей моихъ; фортепяно шумѣло, стонало; Розенфельдъ сомодовольно улыбался, усиленно курилъ; бѣдная Рахиль вол-

новалась, напрягала свои силы, зацѣпляла ненужныя клавиши, и когда кончилась эта пытка, мнѣ казалось, что она, какъ и я, почувствовала себя выравшейся на свободу.

— Молодецъ! — похвалилъ Абрамъ Давидовичъ. — А? какъ по вашему? Правда, у меня вкусъ недурень? Ну, однако, вамъ не дали окончить. Чтò вы хотѣли мнѣ сказать?

— Я хотѣлъ попросить васъ помочь, мнѣ въ одномъ дѣлѣ, — отвѣтилъ я. — Я познакомился сегодня съ учителемъ Шлойме.

— Шлёма меламедъ *)? Важное лицо, какъ всѣ меламеды.

— Но дѣло не въ этомъ. Онъ теперь въ ужасномъ положеніи. (Хозяйка сладко зѣвнула и отослала дѣтей спать). Полицейскій надзиратель велѣлъ составить о немъ протоколъ за содержаніе школы, а у него семья; онъ останется безъ хлѣба. Необходимо оказать ему помощь.

— Ну! — вскричала Эсѳиръ: — Аврумъ, знаешь, чтò? Послушай, чтò мнѣ запало въ голову! Отдай Шлёмкѣ мельницу, или брось всѣ свои дѣла и иди хлопотать за него... Нѣтъ, кажется, лучше будетъ гораздо, если я пойду спать, а вы можете рассказывать другъ другу сказки!

И не простившись со мною, она вышла въ другую комнату.

— Чѣмъ же вы можете ему содѣйствовать? — спросилъ меня Розенфельдъ.

— Я-то ничѣмъ, но вы бы могли это сдѣлать.

— Напримѣръ, какъ?

— Васъ надзиратель, вѣроятно, послушаетъ, вы можете его убѣдить, какъ хорошій его знакомый.

— Нѣтъ, — рѣшительно отрѣзалъ онъ: — я въ такія дѣла

*) Учитель еврейскаго закона.

не желаю вмѣшиваться. Съ какой стати? Что мнѣ за дѣло до какого-то Шлѣмки? Зачѣмъ мнѣ заботиться о другихъ? Мало ли, что со мною можетъ случиться, а я буду себѣ портить изъ-за какого-то меламеда! Намъ нужно жить тихо, не вмѣшиваться ни во что, копить, копить, — единственное, что остается намъ для защиты собственной шкуры. А теперь, вы извините меня за откровенность: мнѣ необходимо завтра встать очень рано. Заходите, пожалуйста, почаще.

Онъ подалъ мнѣ руку и проводилъ меня до корридора.

Было около полуночи. Я сидѣлъ у окна въ своей комнатѣ и не могъ заснуть, хотя я чувствовалъ сильную усталость. Въ раскрытія окна врвался западный вѣтеръ, приносившій съ собою шумъ листьевъ... Я зналъ, чьи это деревья; я зналъ, что старый мельникъ все сидитъ подъ своей мельницей. Все было мнѣ знакомо: вѣдь это моя родина; здѣсь протекли мои лучшіе дни. Но я не ощущалъ той вѣжной ласки, того сладкаго забвенія тревогъ и печали, которыя ожидалъ встрѣтить. Та же ночь, тѣ же деревья, все то же, но ощущенія отъ нихъ совсѣмъ не тѣ же: миръ, прежній миръ не овладѣваетъ утомленной душой. Встрѣченныя мною лица, когда-то близкія, сильно измѣнились, поддались духу времени, естественному ходу вещей... Неужели стонъ вмѣсто пѣсни, воспаленные глаза, вмѣсто яснаго, спокойнаго взгляда, жалкое безсилье и чахлыя, впалыя груди носятъ такое мудреное названіе?.. Вѣтерокъ шумитъ, крылья мельницы скрипятъ, старичокъ сидитъ подъ мельницей и, добывая свое „кете та кресало“ (немногіе остатки старины), собирается закурить люльку. Порой онъ поднимаетъ голову и глядитъ на небо, какъ бы желая узнать, много ли еще новаго оно затѣваетъ?..

Въ слѣдующее утро я направился къ дому надзирателя, рѣшившись попытать свое вліяніе. У воротъ полицейскаго дома я встрѣтилъ десятскаго, отъ котораго узналъ, что баринъ уѣхалъ куда-то съ слѣдователемъ и возвратится не раньше, какъ черезъ два часа, а господинъ урядникъ „ушли, кто ихъ знаетъ, куда“; баринъ „были сердиты, разбили стаканъ съ блюдцемъ изъ-за одной жидовки, „пришедшей съ бумагой“. Господинъ урядникъ, по приказанію барина, ее „вытолкнули“, а потомъ баринъ черезъ окно велѣлъ ему, десятскому, взять у нея бумагу и занести въ канцелярію. „Больше ничего“.

Дѣлать было нечего, приходилось ждать, и я собирался навѣстить кого-нибудь, чтобы убить время. Завернувъ за уголь, недалеко отъ лавоѣ, я увидѣлъ Шлѣму. Онъ несъ въ рукѣ завязанный узломъ платокъ; за нимъ медленно шагала другой еврей, стараясь не отставать. Лицо Шлѣмы было серьезно, торжественно, картузь его былъ надвинутъ на лобъ, такъ что на темени красовалась ермолка. Онъ подходилъ къ евреямъ, молча раскрывалъ передъ ними платокъ, тѣ бросали туда монеты, ни о чемъ не спрашивая, и въ движеніяхъ ихъ выражалось особенное уваженіе къ собиравшему пожертвованія и къ серьезности случая. Когда онъ замѣтилъ меня, то тотчасъ подошелъ, также молча раскрывъ предо мною платокъ, не поздоровавшись и не спрашивая объ исходѣ моихъ хлопотъ по его дѣлу. Я бросилъ нѣсколько монетъ, и онъ съ тѣмъ же выраженіемъ быстро отошелъ къ еврейской лавочкѣ. Я окликнулъ его, но онъ нетерпѣливымъ жестомъ пригласилъ меня не беспокоить его всякими пустяками не во-время. Я захотѣлъ узнать, для кого онъ это собираетъ, почему онъ такъ суровъ, и подошелъ къ моему старому знакомому, ребе Хаимъ-Беру. Ребе Хаимъ-Беръ стоялъ у открытой деревянной

галереи своего дома, ожидая своей очереди для пожертво-
ванія.

— Что случилось?—спросилъ я его.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, только бросивъ монеты въ
платокъ Шлёмы, по удаленіи послѣдняго, сказалъ печально:

— Хана умерла, если вы ее помните,—а ее нечѣмъ
похоронить. Благословенъ праведный Судія! Что дѣлать!

— Когда она умерла?

— Это все равно... Вѣдь вотъ, шила себѣ при жизни
саваны, а на самое не хватило. Такихъ женщинъ нѣтъ те-
перь! (Онъ вздохнулъ.) Пусть Богъ не накажетъ за слова!
Она умерла въ сараѣ, гдѣ рядомъ съ ней находилась и ко-
рова. Хозяйка сарая дала знать ея сыну о болѣзни его ма-
тери, но тотъ не очень-то почесался, ни-нюха!

— Это возмутительно!—выговорилъ я.

— Возмутительно, вы говорите? Гмъ, это возмутительно!
Вы не знаете, что это за тварь. Такой богачъ! Положимъ,
его теперь накажутъ: его заставятъ заплатить за ея могилу
двѣсти рублей; онъ повѣсится отъ злости. Но не въ этомъ
дѣло. Садитесь на ступеньки. Женщины, присутствовавшія
при ея смерти, рассказываютъ, что она все молилась, была
спокойна и все шептала: „да проститъ его одинъ Богъ!“
Это—его, сына ея, и только безпокоилась о томъ, будетъ
ли онъ читать на ея могилѣ кадишь *). Мать!.. Послѣ нея
осталось мелочи, около рубля, которую она просила отдать ка-
кой-нибудь сиротѣ, и недоконченная ею накидка для торы **)...
Да, такъ! хорошія времена! теперь нѣтъ такихъ женщинъ!..
Стойте!—сказалъ онъ, оживившись:—зайдемте ко мнѣ,—
вѣдь мы можемъ говорить въ комнатѣ, я совсѣмъ забылъ.

*) Надгробная молитва.

**) Свитокъ библии.

Смотрите-ка! Вѣдь это вы недавно пріѣхали? Давно, давно я васъ не видалъ. Да какъ вы измѣнились!

Онъ подалъ мнѣ руку и, втащивъ меня въ свой домъ, повелъ въ большой залъ, убранный довольно прилично, съ безукоризненной чистотой.

Хаимъ Беръ былъ зажиточный еврей лѣтъ 45, носилъ короткій сюртукъ, одѣвался вообще прилично и относился бо всему, что было чуждо талмуду, съ крайнимъ презрѣніемъ. Онъ слылъ ученымъ евреемъ и черпалъ свои познанія по всѣмъ отраслямъ науки изъ извѣстной у евреевъ „книги завѣта“. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всѣ знанія исходятъ изъ талмуда, и когда рассказывалъ о вычитанномъ имъ ученомъ иновѣрцѣ, прославившемъ чѣмъ-нибудь науку, то непременно объяснялъ этотъ успѣхъ: „онъ вѣроятно, зналъ талмудъ“. Мнѣніе его, какъ человѣка прежде всего набожнаго, затѣмъ талмудиста и наконецъ знавшаго русскую грамоту, какъ онъ выражался, „отъ себя“, — было рѣшающее. Хаимъ-Бера съ удовольствіемъ слушали въ синагогѣ, въ субботу, такъ какъ онъ рассказывалъ всегда о предметахъ замѣчательныхъ.

— Ну, садитесь, поговоримъ немного.

Я сѣлъ.

— Давно, давно я видѣлъ васъ...

Онъ также сѣлъ и сталъ чесать пальцами свой подбородокъ, обросшій черной съ просѣдью бородой: — Смотрю на васъ и припоминаю все старое, — такъ приятно! Что можетъ быть! а? изъ маленькихъ дѣлаются большіе, а большіе умираютъ. Властитель вселенной, что можетъ случиться! Ну, что дѣлать, когда нельзя лучше!

Онъ развелъ руками, придвинулся ближе ко мнѣ и началъ менѣе дружелюбно:

— Ну, что вы успѣли? — Онъ запустилъ руку подъ подбородокъ и выжидалъ отвѣта.

— Въ чемъ же успѣть? Я васъ не понимаю.

— А! — произнесъ онъ ядовито: — это похоже на удачу моей жены! она точно такъ же говоритъ, когда чего-нибудь хочетъ и ей не удастся. Ну, ну, очень справедливо, очень справедливо, я радъ, я очень радъ; такъ, такъ, мы это знаемъ...

— Что?

— Вы мнѣ рассказывайте, что! Что, я вамъ мальчикъ? вы думаете въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ нужно все разжевать и въ ротъ положить? Пусть будетъ такъ!.. Хорошій свѣтъ, красивый свѣтъ!

— Но, увѣряю васъ, я не понимаю, о чемъ вы говорите?

— Вы *мнѣ* должны рассказывать! — онъ указалъ пальцемъ на свою грудь при словѣ „мнѣ“: — не раскладывайтесь на нѣсколько тарелокъ! такъ, такъ! здоровье потеряли, стали тонки и зелены; для насъ-то уже не годитесь, а отсюда по шеямъ! Такъ, такъ, я очень доволенъ! Ну, что будетъ съ васъ? въ прикащики не годитесь, въ работники — также; и свое забыли, да и чужого не знаете.

— Позвольте, я не совѣмъ...

— Ну, ну, знаете, знаете! Я себѣ представляю эту мудрость: Иванъ любитъ Параску, а она любитъ Степана, Степанъ любитъ Аксютку... Теперь, понимаете, нужно еще себѣ ломать голову, — а это необходимо, — почему Иванъ любитъ Параску, а она Степана... Стойте, стойте, не перебивайте, я понимаю, я понимаю. Вы думаете, я въ самомъ дѣлѣ такъ глупъ? Это называется у нихъ „поэзій“. Хорошо, пусть будетъ сегодня такъ. Вотъ послушайте меня, что я вамъ скажу: знаете что? вотъ нате вамъ пятакъ за все это!..

— Будемъ лучше говорить о другомъ... Что здѣсь хорошаго?

— Хорошаго? — переспросилъ онъ болѣе грустнымъ голосомъ: — хорошаго?! — все хорошо. Что же можетъ быть хорошаго?

— Какъ поживаетъ вашъ сынъ? какъ ваши дѣла?

— Мой сынъ! это тоже сынъ? — шарлатанъ, и больше ничего. Развѣ такіе сыновья бываютъ? ни туда, ни сюда, — вотъ читаетъ все время ваши книжки. Читаетъ, читаетъ, читаетъ, что онъ тамъ читаетъ!.. Разъ, ночью, я ломаю голову надъ однимъ вычисленіемъ. „Осипъ, — говорю я, — а, Осипъ, а ну, иди-ка сюда!“ — не слышитъ. Я еще разъ: „Осипъ!“ — ни слова: углубленъ! Ну, дѣлать нечего: когда отца не слушаютъ, это вѣдь еще не изъ большихъ несчастій. Однако меня разобрало: „ты — корова, ты — собака, ты — ничтожество, тебя отецъ зоветъ, такъ ты имѣешь дерзость не отвѣчать? Что такое? ты занятъ?!.. „Но я сдерживаю себя, захожу въ его комнату, вижу: на столѣ — книга, и онъ до того зачитался, что не слышитъ моихъ шаговъ. Кажется, нужно дѣло, а? Меня припекло, но... нужно молчать, когда находишься въ неволѣ. Подхожу къ нему сзади, толкаю его; онъ выпучилъ на меня свои глаза... „Осипъ, а ну, Осипъ, что я у тебя попрошу: прочти мнѣ, на чемъ ты остановился, и скажи, что ты читаешь?“ — „Тургенева, Записки Охотника“. — „А, должно быть очень умная вещь. А ну, прочти мнѣ тоже что-нибудь (это я-то прошу у него); неужели же я настолько глухъ, что не пойму? хорошее всякій понимаетъ“. — „Вамъ неинтересно!“ — „Но что ты потеряешь, — капиталъ свой положишь, что-ли?“ Наконецъ я его еле-еле уговорилъ и онъ мнѣ прочелъ нѣсколько словъ: „На дворѣ цыплята рыли навозъ, старая собака залаяла, а стоявшій у воротъ конь замахалъ хвостомъ, завидя меня“...

Ну, вы слышали когда-нибудь подобное? я васъ спрашиваю, по совѣсти, — вѣдь мы — свои, домашніе люди, — слышали ли вы когда-нибудь, чтобы собака лаяла, и видѣли ли вы, чтобы лошадь махала хвостомъ? Да еще чтобы курицы... Стойте, стойте, я совсѣмъ забылъ, — слушайте только, — чтобы курицы рыли навозъ?! Не можетъ быть, никогда! Но когда вашъ Тургеневъ говоритъ, вѣдь это не шутка! значить, это правда, только ее такъ трудно понять... Какъ только вамъ всѣмъ не стыдно, — началъ онъ серьезно, со злостью: — философъ мой! это — ваши знанія? Вѣдь это позоръ! Мой сынъ... онъ такой же шарлатанъ, какъ и всѣ...

Я невольно улыбнулся.

— Смѣшно? Ну, смѣйтесь, смѣйтесь! можно лопнуть, смѣйтесь, вѣроятно вы правы...

— Ребе Хаимъ-Беръ, бросимъ это! — сказалъ я весело. — Скажите, какъ ваши дѣла? какъ живется здѣсь?

— Какія дѣла, такъ и живешь: дрожишь, знаешь, что съ тебя шкуру дерутъ больше, чѣмъ съ другихъ, а имѣешь меньше всѣхъ.

— То-есть, какъ?

— Такъ!

— Это не отвѣтъ!

— Нѣтъ, это отвѣтъ! Паспортъ нуженъ? Разъ. За торговлю нужно платить? Два. На синагогу нужно? Три. Ну, а раввину, рѣзнику, по вашему, ничего не нужно? По нашему, нужно... Вотъ уже четыре! Постоите же: въ кружку для бѣдныхъ нужно? Сборъ на пасху для нихъ нужно? А больнымъ, а приходимъ нищимъ, а школамъ, га! не нужно, говорите вы? Что-жь, кто же будетъ имъ помогать? А ну, сосчитайте-ка, бѣдняку легко приходится? Вѣдь у насъ всѣ даютъ! А поди-ка, заработай: омоешься холоднымъ потомъ, почернѣешь хуже собаки, и что? Хата-покрышка! Старая

сказка. Да въ этихъ дѣлахъ вы понимаете столько, сколько пѣтухъ въ „бней-Одемы“ *).

— Вы знаете хорошо этого ребе Шлойме? — вдругъ спросилъ я.

Онъ молчалъ.

— Шлёму вы знаете хорошо?

— Ну, что изъ этого!

— Какъ онъ вамъ нравится?

Опять молчаніе.

— Я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе.

Ни слова.

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать?

— Не стоитъ, вы все равно не поймете. Онъ о курицахъ не говоритъ и не обращаетъ вниманія, подняла ли лошадь хвостъ, или еще нѣтъ, — ему это все равно; вообразите себѣ, что для него есть вещи посерьезнѣе. Вы можете себѣ это представить? Вамъ смѣхъ?

Я не отвѣтилъ ему. Прошло нѣсколько секундъ, разговоръ не вязался.

— Я ухожу, — сказалъ я: — мнѣ нужно по дѣлу. — И, пожавъ его руку, я направился къ полицейскому надзирателю.

Лаврентій Ардалионовичъ ходилъ въ это время по комнатѣ, яростно стуча сапогами. Изъ стоявшихъ въ канцеляріи десятскихъ никто не рѣшался доложить ему о моемъ приходѣ. Я отворилъ дверь его комнаты и ожидалъ, пока онъ замѣтитъ меня. Онъ все ходилъ, разстегнувъ мундиръ, и гладилъ одной рукой свою голову, какъ это дѣлаютъ, чтобы успокоиться и собрать свои мысли; увидя меня, онъ молча указалъ мнѣ на стулъ и продолжалъ свою прогулку.

* Извѣстная молитва въ судный день.

Потомъ онъ подошелъ къ раскрытому на улицу окну, вложилъ руки въ карманы панталонъ и сталъ насвистывать. Становилось невыносимо, а Лаврентій Ардаліоновичъ все насвистывалъ, глядя безучастно на улицу.

— Лаврентій Ардаліоновичъ, что съ вами?

Онъ въ отвѣтъ зашевелилъ одной ногой, и она у него какъ-то заплясала, опираясь на кончикъ пятки. Мимо окна проходили крестьяне, почтительно кланаясь ему, но онъ ихъ не замѣчалъ. Прошелъ слесарь Пахомъ, значительно выпившій, распѣвая: „вспомни, ва-арварь, ка-акъ ты клялся, ты, подлець, смѣнилъ mine!“ Однако и такая вольность, такое неуваженіе и къ нему, надзирателю, и къ его улицѣ и дому, прошли совершенно безнаказанно; мой вопросъ оставался безъ отвѣта.

— Да, братъ,—началъ онъ, наконецъ:—вотъ до чего мы дожили! Ай-да Лаврентій Ардаліоновичъ!.. Усы, слава Богу, сѣдые; по службѣ, кажется, не мальчикъ, а тутъ тебѣ всякая дрянь будеть указывать!

Онъ присѣлъ къ письменному столу, гнѣвно чирянулъ спичкой и закурилъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— Въ чемъ дѣло?.. Какъ вы думаете,—я грамотный?

— Кажется.

— Неужели? Благодарю васъ. Вотъ и все.

— Но я ничего не понимаю!

— И я ничего не понимаю!

— Лаврентій Ардаліоновичъ!

Онъ стукнулъ кулакомъ о столъ съ большой силой.

— Что вы мнѣ: Лаврентій Ардаліоновичъ! — крикнулъ онъ:—да-съ, я Лаврентій Ардаліоновичъ, это я безъ васъ знаю; но не для всякой паршивой, противной, грязной жи-довки, которой я и видѣть не хотѣлъ бы у себя около по-

мойной ямы, я посмѣшище! Да я бы ей зубы выбилъ, такъ, просто, трахнулъ бы въ морду, по-военному, если бы могъ; да она, каналья, не прилѣзетъ одна, а все претъ въ канцелярію. „А игдѣ бумага? А чи вы уже написывали?..“ Дрянь!

— Значить, я могу уйти?—спросилъ я, поднявшись и подавая ему руку.

— Ага, заговорила и въ васъ кровь! наси, пшъ, какъ важно! кагальное чувство, небось, закопошилось?

— А вы въ ударѣ, я вижу...

— Да-съ въ ударѣ! Скажите, пожалуйста: то, что я оскорбленъ, васъ не задѣваетъ, а что я дерзнулъ не съ должнымъ почтениемъ отнестись къ высокочтимой Хайгѣ, вашей единовѣркѣ, это достойно, по вашему, висѣлицы? Да какого бѣса, чортъ васъ дери, вы хорохоритесь?—сидите, когда пришли! чтѣ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, и передъ вами не высказываться откровенно?

— Лаврентій Ардаліоновичъ, вы меня не проведете, я знаю васъ не первый день; не можетъ быть, чтобы вы настолько перемѣнились... Въ чемъ дѣло? ужъ коли откровенно, такъ говорите все. Я хотѣлъ уйти не потому, что обидѣлся, а потому, что нахожу васъ слишкомъ взволнованнымъ. Въ чемъ же дѣло? Жидовка сама по себѣ, и вы знаете свое дѣло... Другое что-то еще у васъ...

Онъ положилъ одну ногу на другую, потеръ руки и сказалъ уныло:

— Придется подать въ отставку.

— Изъ-за жидовки?

— Да-съ, изъ-за жидовки.

— Ну, что-жъ дѣлать,—отвѣтилъ я, притворяясь, что понимаю его слова буквально.

— Не посовѣтуете ли вы мнѣ, какъ другъ, извиниться передъ нею?—спросилъ онъ ядовито.

— Что-жь, если вы ее оскорбили, или вообще виновны передъ нею, отчего не поступить, какъ должно истинному христіанину?..

— Ну это уже слишкомъ... Вы видали мое ружье? двустволку, стоящую около двухъ сотъ рублей?

— Ну?

— У моего исправника есть сынъ...

— Ну?

— И онъ, сынъ этотъ, страстный охотникъ. Три мѣсяца тому назадъ былъ онъ здѣсь, и понравилось ему мое ружье. „Продайте, да продайте!“ А я знаю, что значить ему продать, и говорю ему: „я самъ такъ привязанъ къ моей двустволкѣ, что не разстался бы съ нею ни за какія деньги“. Какъ вы думаете, могу я любить свое ружье?

— Нѣтъ!

Онъ улыбнулся.

— Здѣсь живетъ одна нахальная жидовка, которая наговорила дерзостей предсѣдателю воинскаго присутствія за то, что ея единственный сынъ былъ взятъ въ солдаты! Вотъ это и есть Хайка. Она, вы думаете, что выкинула?

— Мало ли что она могла выкинуть!

— Жаловалась на уѣздное по воинской повинности присутствіе въ губернское, и когда послѣднее не уважило ея ходатайства, пожелала пойти дальше. Каково? Вотъ мой исправникъ написалъ мнѣ о томъ, чтобы я собралъ свидѣнія о ея бѣдственномъ положеніи: она къ нему обратилась за такимъ свидѣтельствомъ. Это было какъ разъ тогда, когда сынъ исправника уѣхалъ отсюда къ отцу; а Хайка жить мнѣ не давала: скорѣе и скорѣе! Мнѣ это надоѣло; я взялъ и отписалъ исправнику, что у нея есть домъ, и

это вѣрно. Когда она узнала отъ моего писаря о содержаніи моего отвѣта, она явилась въ канцелярію и кричитъ, да такъ нахально: „Какое вы имѣли право написать: „домъ“? Вы хотите быть честнымъ человѣкомъ, такъ зачиво вы не пишете, что домъ мой оцѣненъ въ пятьдесятъ рублей?“ Ишь ты, бестія! это въ канцеляріи! Ну, я, дѣйствительно, не выдержалъ, послалъ ее къ чорту... Она могла бы попросить, а не приказывать. Она отправляется къ исправнику съ жалобой, а тотъ—я его понимаю—подъ вліяніемъ „неуваженія“, оказаннаго его сыну, пишетъ мнѣ: и „ставлю на видъ“, и „предлагаю“, все о грубомъ моемъ отношеніи къ публикѣ... А меня-то не проведешь: я знаю, какъ онъ самъ обращается съ публикой, да еще съ жидовской! Вотъ и порадуйтесь!

И онъ подалъ мнѣ пакетъ.

— Что же, вы исправили ошибку?

— Да-съ, исправилъ!—вознегодовалъ онъ.

— При чемъ же тутъ жидовка? Она имѣла право отстаивать свои интересы; а что она рѣзка... Каковы бы вы были на ея мѣстѣ? Однако, Лаврентій Ардаліоновичъ, перемѣннымъ разговоръ. Я къ вамъ съ большой просьбой: чтобы показать свою дѣятельность, вы приказали составить протоколъ Шлёмъ, самому симпатичному изъ здѣшнихъ меламедовъ *), которые, благодаря вашей добротѣ, будутъ продолжать свое дѣло.

— Нѣтъ, тутъ извините, это дудки! — составить, такъ составить!

— Но ему жить будетъ нечѣмъ: дѣти, жена!

— А мнѣ-то что? и я скоро буду безъ мѣста.

— Вы говорите теперь искренно?

*) Учителя.

— Искренно, чортъ бы меня побралъ, искренно! Шлёмки, Хайки, погибли на нихъ нѣтъ, еще изъ-за нихъ терпи! Хорошо, что вы мнѣ напомнили. Эй, кто тамъ?

Вошелъ Кагайловъ и десятскій.

— Шлёмкѣ протоколь!—сказалъ сурово надзиратель.

— Вы не изволили сказать, когда и кому...

— А теперь изволю—и немедленно!

— Слушаю!

— Сейчасъ, сію минуту! убирайтесь!

— Благодарю васъ отъ души, Лаврентій Ардаліоновичъ!—сказалъ я ѣдко.

— Кушайте на здоровье!

— Вы никогда не причиняли мнѣ такой непріятности!

— Ну и радуйтесь теперь. Кагайловъ! Я жду протокола; я много разъ не люблю повторять,—не совѣтую выводить меня изъ терпѣнія. Кончено!

Кагайловъ торопливо вышелъ и черезъ нѣсколько мгновеній шмыгнулъ по улицѣ.

— До свиданья, Лаврентій Ардаліоновичъ!—сказалъ я, взявъ свою шляпу.

— Какъ вамъ угодно... Мое почтенье!

Я ушелъ отъ него въ крайней досадѣ: „пособничество“ мое, противъ моего ожиданія, принесло вредъ. Я чувствовалъ себя виновнымъ передъ бѣднымъ Шлёмкой, занятымъ теперь при похоронахъ размышленіями о небесномъ раѣ и суетѣ міра. Мнѣ становилось больно отъ мысли, что онъ лишится хлѣба, который онъ такъ честно зарабатывалъ, помимо общаго права на него всякаго человѣка. Въ близкомъ будущемъ зима, шестеро дѣтей, не доразвившихся еще до понятія, что смѣсль жизни и высшія наслажденія ея состоятъ въ изслѣдованіи таинственнаго значенія буквъ и вычисленій,—хотятъ ѣсть... Что съ ними будетъ?..

— Передайте мое низжайшее почтеніе господину Шлёмгѣ и мадамъ Хайкѣ! — крикнулъ мнѣ вслѣдъ Лаврентій Ардалионовичъ, когда я проходилъ мимо его открытаго окна.

IV.

Я не искалъ Шлёмы, чтобы сообщить ему о результатѣ моихъ хлопотъ въ его пользу; я не могъ бы видѣть его задумчивое лицо, въ которомъ, безъ сомнѣнія, прочелъ бы между морщинами на лбу: „забирай свои вещи и иди!...“ Видѣть его мнѣ все-таки хотѣлось, и я дожидался вечера, чтобы, благодаря пятницѣ, встрѣтить его въ синагогѣ, куда онъ такъ настоятельно меня приглашалъ.

Наступалъ вечеръ. Еврейскія лавки мало-по-малу закрывались. Торговцы, которымъ приходилось по-неволѣ опаздывать, выражали нетерпѣніе въ присутствіи покупателей; нѣкоторые просто отказывались продолжать торговлю. Въ полчаса всѣ магазины были закрыты, столики убраны, и суетливыя кучки евреевъ спѣшили по улицѣ, точно за ними кто гнался.

Показалась звѣзда, мигая ожидавшемуся ея служкѣ синагоги; онъ понюхалъ изъ табакерки, чихнулъ съ особеннымъ удовольствіемъ и нырнулъ въ синагогу, которая черезъ нѣсколько минутъ освѣтилась свѣчами и стала наполняться прихожанами. Каменный домъ, крытый желѣзомъ, — лучшая постройка въ еврейской части мѣстечка, — окруженный акаціями, какъ бы гордился, переживая торжественныя часы, когда его особенно деляютъ и прихорашиваютъ. Онъ глядѣлъ съ высоты съ нѣмымъ сожалѣніемъ на расположенныя вокругъ него бѣдныя еврейскія лачуги, ожидая отъ нихъ обычной дани моленій, которыя изъ него уже подымутся къ великому престолу Іеговы... И огни синагоги сіяли надъ темнымъ еврейскимъ мѣстечкомъ, и будто вгля-

двѣлись въ него пристально и важно... По мѣрѣ того, какъ гордое зданіе оживало — шумъ голосовъ въ мѣстечкѣ становился все тише и тише. Казалось, всѣ эти звуки, весь мелкій лиризмъ будничнаго горя, всѣ тихія жалобы и подавленные стоны цѣлой недѣли готовились слиться въ одну могучую симфонію, которая поднимется къ небу изъ этого торжествующаго и величаваго зданія...

Показались другія звѣзды, спускалась синяя ночь. Я стоялъ на улицѣ, наблюдая приходящихъ молиться, стараясь опредѣлить, что изъ вынесеннаго ими въ теченіе недѣли ляжетъ въ основаніе предстоящаго гимна. На всѣхъ лицахъ замѣтно было одно: стремленіе къ чему-то возвышенному и торжество въ ожиданіи радостнаго событія. Ни одного угнетеннаго, ни одного несчастнаго! Вонъ спѣшитъ Хаимъ-Беръ, одѣтый въ черный сюртукъ, съ расчесанной бородой; за нимъ мальчикъ несетъ молитвенникъ и талесъ *); далѣе идутъ другіе евреи, пріосанившись и сбросивъ съ себя личину подчиненности, довольные, веселые и важные.

Въ корридорѣ синагоги слышалось жужжаніе: тамъ, по обычаю, входившіе мыли руки и съ краткой молитвой переступали порогъ. Я зашелъ въ синагогу и помѣстился на одной изъ заднихъ скамеекъ. Какой-то еврей, раскачиваясь, доканчивалъ про себя вступительную молитву и усиленно шепталъ, торопясь, чтобы поспѣть къ вечерней молитвѣ, совершаемой всѣми единогласно. Служка синагоги ходилъ между рядами скамеекъ, кладя на нихъ молитвенники; онъ останавливался изрѣдка, чтобы понюхать табаку и чихнуть. Я замѣтилъ, какъ онъ подобострастно подошелъ къ Шлёмѣ; который былъ уже здѣсь и сидѣлъ въ первомъ ряду, — стоялъ предъ нимъ немного и понюхалъ табаку, набравъ

*) Молитвенный плащъ.

его двумя пальцами и потрясая ими носъ. Прихожане усѣлись по мѣстамъ. Служка стукнулъ рукою по канторскому столику.

— Ша!—добавилъ онъ и при этомъ стукнулъ во второй разъ.

Молодой рѣзникъ, отправлявшій должность кантора, облачился въ талесъ и подошелъ къ своему столику.

— Пойдемъ, воспоемъ Господа!—запѣлъ онъ.

— Пойдемъ, воспоемъ Господа! — подхватили всѣ, и синагога огласилась безчисленными звуками на разные лады. Какой-то лучъ бодрости охватилъ молящихся; даже нищие, орхимвъ *), вся голь мѣстечка, приниженная, забитая, со впалыми щеками и подобострастными лицами, освѣтилась тѣмъ же лучомъ. Канторъ дошелъ до молитвы, приглашающей возлюбленнаго пойти на встрѣчу невѣстѣ (субботѣ), и мелодія осложнилась, движенія всѣхъ стали возбужденнѣе, голоса звонче и радостнѣе... Чувствовалось, что на все это собраніе надвигается что-то неизмѣримо важное и радостное... И что же будетъ? Суббота, святая суббота! Шестъ дней вздохомъ, униженій, шесть дней Ицки, Мошки, Шмульки копошатся, хитрятъ, получаютъ гроши съ пинками, ѣдятъ хлѣбъ съ лукомъ, извиваются, унижаются, служатъ пугалами, и только суббота ласкаетъ ихъ и успокаиваетъ своею цѣлящею силой. Въ этотъ день нельзя имъ даже думать о дѣлахъ; это день нравственнаго подъема и отдыха, день, освященный религіей и ограждаемый ею съ величайшей строгостью, день, поддерживающій въ еврей, подавленномъ тяжелыми условіями суетливыхъ и грязныхъ будней, — чело-вѣка, съ его вѣчными стремленіями къ небу...

Въ субботу каждый еврей превращается какъ бы въ властелина. Лучшій кусокъ, лучшая одежда прячется на

*) Странствующие нищие.

субботу; день забвенія, день, когда онъ вкушаетъ духовную пищу, которая поднимаетъ его настолько, что онъ уже не Ицка, Мошка, Шмулька, а ребе Ицхокъ, ребе Мойше, ребе Шмуэль. Ни кредиторъ, какой-нибудь Шулемъ съ дерзкимъ, плотояднымъ лицомъ, ни штрафъ за незаконную торговлю, ни насмѣшки, ни бѣдность, ни даже самъ урядникъ, предъ которымъ онъ стоитъ въ ермолкѣ, забавляя его своимъ видомъ, не страшны для него въ этотъ день. Пусть, напри- мѣръ, подойдетъ теперь къ Шлёмкѣ самъ Лаврентій Арда- лионовичъ, чтобы подтрунить надъ нимъ: ребе Шлойме не улыбнется жалко, заискивающей улыбкой. Онъ отвернется отъ него, съ презрѣніемъ къ жалкимъ издѣвательствамъ, къ скудости ихъ содержанія, какъ маэстро—когда непосвящен- ный нарушаетъ его вдохновенный покой... Тутъ ангелы ты- сячами восхваляютъ вмѣстѣ съ ребе Шлойме святую субботу, самъ Саваоѣ празднуетъ вмѣстѣ съ нимъ, — а надзиратель грозитъ въ такую минуту своимъ протоколомъ! Шлойме гля- дитъ съ достоинствомъ, ощущая въ себѣ свѣжій запасъ силъ. Откуда у него эта осанка, эти медлительно важные жесты? Это дѣйствіе благодатной субботы, радости израиля, его торжества, его оплота и источника его бодрости и силы. Вотъ почему въ глазахъ правовѣрнаго еврея грѣхъ несоблю- денія субботы—больше всѣхъ другихъ религіозныхъ проступ- ковъ. Темная масса чувствуетъ по инстинкту массового са- мосохраненія, что чистотѣ субботы она обязана своей не- вѣроятной выносливостью, сохранившей на трудныхъ и за- путанныхъ путяхъ ея исторіи человѣка въ забитомъ и за- ганномъ паріѣ.

— Добрая суббота!

— Добрая суббота, добрый годъ!—слышалось со всѣхъ сторонъ. Два удара служки по молитвеннику водворили мол- чаніе.

— Берите орхимъ *)!

Нищіе были разобраны, и самый почтенный изъ нихъ лѣтами удостоился приглашенія Шлѣмы, который позвалъ его за собою кивкомъ головы. Изъ синагоги стали выходить группами; Шлѣма, Хаимъ-Беръ, служка и канторъ составили одинъ кружокъ, сопровождаемый приглашенными, шедшими позади.

— Добрая суббота, ребе Шлойме! — привѣтствовалъ я его.

— Добрая суббота, добрый годъ на васъ и всѣхъ евреевъ! — отвѣтилъ онъ, счастливо улыбаясь и продолжая напѣвать вполголоса молитвенные напѣвы.

Его пропустили впередъ; за нимъ выходили остальные. Хаимъ-Беръ и канторъ какъ бы соперничали въ желаніи идти съ нимъ рядомъ.

— Хорошая ночь! — произнесъ канторъ, когда они вышли на улицу.

— Хорошая, очень хорошая! — согласился Хаимъ-Беръ, поглядывая на небо и расчесывая бороду. — Приятный воздухъ! Календаръ пишетъ, что въ эти дни все будетъ хорошая погода; онъ угадываетъ: астрономъ! развѣ это глупость? Календаръ составляютъ не мальчики.

Служка и канторъ переглянулись съ выраженіемъ удивленія по поводу учености Хаимъ-Бера, причемъ первый покачалъ головой.

— Ребе Шлойме, завтра вы намъ навѣрное что-нибудь скажете? — спросилъ канторъ.

Шлѣма наклонилъ голову, не переставая напѣвать вполголоса.

На слѣдующій день, въ четыре часа пополудни, я—

*) Странствующие нищіе.

опять въ синагогѣ. Евреи въ это время собираются сюда потолковать о чемъ-нибудь интересномъ, божественномъ, о различныхъ чудесахъ, о мудрости раввиновъ, а также читаютъ псалмы и бесѣдуютъ, разбившись на отдѣльныя группы. Въ одномъ углу сидѣлъ Хаимъ-Беръ, окруженный слушателями, и читалъ вслухъ „гласъ Іакова“. Служка, стоя, прислушивался къ „сладкому ученію“.

— Да, такъ!—говорилъ Хаимъ-Беръ, закрывая книгу:— это не шутка: это талмудъ! развѣ не все значить талмудъ? Былъ недавно одинъ раввинъ, который никогда не учился *ихъ* наукамъ, и зналъ ихъ все наизусть святымъ духомъ.

— Неужели-таки положительно все?—спросилъ кто-то.

— У-ва, великая вещь! все положительно! Что ты такъ горячишься? Когда ты не имѣешь ума даже настолько, чтобы привязать кошкѣ хвостъ, такъ ты все же долженъ молчать! Разгорячился! Чтò ты такъ разгорѣлся? а по твоему, раввинъ станетъ тратить время на разныя глупости?

— Какъ же онъ ихъ узналъ?

— Какъ онъ ихъ узналъ!—такъ, просто, узналъ!

— Но это невозможно?—вмѣшался канторъ.

— Вы мнѣ говорите: „невозможно“!—горячился Хаимъ-Беръ:—вы думаете, что имѣете дѣло съ маленькимъ ребенкомъ? Я шучу съ вами? Я говорю съ вами, какъ человекъ!.. Когда такъ было, то было: тутъ не идетъ на обманъ. Онъ зналъ все, потому что въ талмудѣ вы имѣете все (онъ pokrutyлъ усы). На что вамъ лучше? вотъ я расскажу вамъ еще: Рамбамъ! онъ былъ только талмудистъ, а зналъ медицину, да еще какъ зналъ! Не всякое знаніе есть знаніе. А онъ зналъ! Одинъ больной жаловался на головную боль... Вотъ выслушайте: доктора признали, что необходимо у него снять верхнюю кость черепа, ибо подъ ней, въ мозгу, червь. Такъ они признали; хорошо: пусть такъ! Рамбамъ

услышалъ про это, и въ день, когда дѣлали больному операцію, взлѣвъ на чердакъ дома, въ которомъ она происходила, пробуравилъ отверстіе въ потолокъ и смотритъ. Божьимъ духомъ онъ узналъ, что врачи не помогутъ больному, а человѣка вѣдь жалъ. Наконецъ, верхняя часть черепа у больного уже снята, и въ мозгу виднѣется червь, червь обыкновенный, червь какъ всѣ черви... Вы слушаете? Но какъ же его вынуть? взять его щипцами опасно, потому что онъ можетъ углубиться въ мозгъ, и человѣкъ пропасть! Стали дѣлать заклинанія—не помогаетъ. Чтò дѣлать?.. Вы слушаете? Тогда съ потолка отозвался Рамбамъ: „положите на мозгъ листь капусты, червь самъ перелѣзетъ на него“. Такъ и было, и человѣкъ былъ спасенъ. Ну, отчего тѣ не могли догадаться? — Голова не талмудическая! Гмъ!—онъ побѣдоносно взглянулъ на противника, сраженнаго его познаніями.

Среди другихъ присутствовавшихъ замѣтно было волненіе въ ожиданіи проповѣдника. Въ одной кучкѣ рассказывали о чудесахъ и тайнахъ, о текущихъ вопросахъ. Кто-то передалъ, что Ротшильдъ предлагаетъ по рублю за cadaго еврея, но не соглашаются на это. Служка очутился здѣсь и жадно слушалъ рассказывавшаго, который свелъ рѣчь на предстоящую войну между русскимъ и туркомъ и на то, что англичанинъ—онъ малый съ крѣпкими костями—перехитритъ обоихъ. Одинъ еврей, высокаго роста, съ смуглымъ лицомъ, опершись одной ногой на скамейку, объяснялъ, что всѣ происшедшія войны предусмотрѣны библіей, въ предсмертной рѣчи Іакова; нужно только умѣть понимать каждую букву, ибо въ каждой буквѣ скрывается тайна...

— На чтò вамъ лучше?—отозвался другой, съ худымъ лицомъ, въ оборванномъ платьѣ:—чтобы понять, чтò иногда значитъ даже простое слово, я вамъ расскажу о ребе Мен-

делѣ. Ребе Менделе послалъ человѣка къ такому же раввину, какъ и онъ самъ, къ ребе Мойше, и поручилъ посланному отдать ему записку во всякое время дня и ночи, даже если ребе Мойше будетъ читать „Шмойне-эри“ *). Ребе Менделе — не сапожникъ, а знаменитый мудрецъ; ребе Мойше — тоже не портной. Посланный шель пѣшкомъ цѣлую недѣлю — такъ заказалъ ему Менделе — и прибылъ въ домъ ребе Мойше вечеромъ, когда тотъ читалъ, какъ на зло, „Шмойне-эри“.

Лица у всѣхъ вытянулись, рты открылись, и возбужденіе слушателей достигло крайнихъ предѣловъ.

— Посланный недолго думаетъ, подходитъ къ раввину, толкаетъ его въ бокъ и отдаетъ ему записку: „отъ ребе Менделе“! И тотъ — что вы думаете? — вскрываетъ записку!..

— Посреди молитвы? — вырвался звукъ ужаса.

— Нѣтъ, посреди бала! — замѣтилъ съ раздраженіемъ рассказчикъ: — вы же слышите, кажется, вѣдь у васъ есть уши! Прочелъ записку, упалъ на землю и вдругъ разрыдался... А въ запискѣ было: „Мендель любить курицу!“ Вотъ тебѣ и курица! Тутъ не курица, а что-то очень глубокое, что только они вдвоемъ понимали.

Слушатели были потрясены и сильно задумались надъ тѣмъ, какой смыслъ можетъ скрываться въ курицѣ...

Въ синагогѣ шумъ сталъ утихать; кой-гдѣ раздавалось пѣніе псалмовъ. Въ это время показался ожидаемый всѣми Шлёма. На немъ былъ длиннополый сюртукъ изъ чернаго атласа; широкій, отложной, неглаженный воротникъ его сорочки сверкалъ своей бѣлизной; на головѣ новый плюсовый картузь, руки были сложены за спину, самъ онъ былъ сильно сосредоточенъ на чемъ-то. Онъ понималъ, что теперь — его

*) Самая важная молитва.

царство, теперь наступила священная минута, когда ему предстоит воздѣйствовать на слушателей словомъ Божиимъ и мудростью. Шедшій съ нимъ орхимъ скромно присѣлъ у дверей. Шлѣма ни на кого не глядѣлъ: „безплотный взоръ его очей“ блуждалъ по тѣмъ закоулкамъ, гдѣ сплетаются между собою слова съ одинаковою суммою буквъ, гдѣ одно изреченіе опровергается другимъ, какъ это можетъ показаться непосвященнымъ; на самомъ же дѣлѣ все такъ гладко и стройно; надо только догадаться, и мудрецу отсрывается истинное благополучіе. Вѣдь вотъ работаетъ вся эта масса цѣлую недѣлю, суетится, потѣветъ,—изъ-за чего? Подозрѣваетъ ли она, что великій учитель слово „Ма“ (что) мыслилъ какъ „Меа“ (сто), изъ чего слѣдуетъ, что каждый еврей ежедневно обязанъ сто разъ благодарить Творца?.. „Если два человѣка сошлись и не говорили между собою о Божьемъ словѣ, то они согрѣшили, подобно вкусившимъ мертвечины“. А развѣ всѣ эти люди не достойны сожалѣнія за то, что неволью такъ тяжко грѣшатъ? Но въ значительной мѣрѣ они искупаютъ теперь свою вину волненіемъ и страстностью, съ какой они ожидаютъ его поученія. И Шлѣма цѣнитъ это. Съ грустнымъ выраженіемъ, съ мыслями, обнимающими *Его* и суету міра, онъ поднимается на ступеньки амвона: тамъ давно приготовленъ для него талесъ, табакерка и молитвенникъ. Онъ не торопится, потому что дорожить каждымъ мгновеніемъ; онъ ждалъ этого момента столько времени, можетъ быть, цѣлыя недѣли; онъ живетъ въ настоящую минуту всѣми фибрами, всей полнотой умственного и нравственного существованія...

Послышалось съ разныхъ сторонъ откашливанье, задвигали скамейками, и сотни глазъ устремились на амвонъ. Служкѣ не пришлось даже крикнуть: „Ша!“—Тишина водворилась сама собою.

Книга о жизни

Шлёма облачился въ талесъ и самъ стукнулъ рукой по молитвеннику, взявъ его въ лѣвую руку.

Но онъ еще не начиналъ: онъ вперилъ взглядъ въ слушателей, сообщая имъ свою возбужденность, и когда замѣтилъ, что все у нихъ въ порядкѣ, что они обратились въ одно вниманіе, онъ началъ страннымъ напѣвомъ, свойственнымъ меланхолической восточной музыкѣ, отъ которой отдаетъ уныніемъ и призывомъ къ заоблачному. Онъ сталъ приводить фразы пророка Исаи, переводя ихъ тутъ же на еврейскій жаргонъ.

— „Кой омаръ гашемъ“, это значитъ: такъ сказалъ Господь... (Шлёма остановился.) „Гашомаимъ кисей“, т. е. небо (онъ поднялъ указательный палецъ) мой стулъ... „вгорецъ гадоймъ раглай“, и земля, — говорилъ онъ, — скамеечка для моихъ ногъ... Ша! Значить, такъ сказалъ Господь: „небо — мой стулъ, а земля — скамеечка для моихъ ногъ“. Что такое значитъ (онъ началъ безъ напѣва) небо — стулъ, а земля — скамеечка? Развѣ Богу нужна мебель? Что-жь, по вашему, пророкъ Исаія не понимаетъ? А! вотъ тутъ приходитъ фраза къ проповѣднику и плачетъ: „проповѣдникъ, толкуй меня“; сама фраза чувствуетъ, что могутъ не понять ея, и просится, бѣдная, на толкованіе. Слушайте же меня хоть немного: Богъ сказалъ Моисею: „и вотъ законы, которые ты положишь передъ ними“! Что такое значитъ: „вотъ законы“? значитъ: „возьми законы“!.. „которые положишь передъ ними“; а что же еще, — стѣшь ихъ что-ли? И зачѣмъ это „положишь“? надо было просто сказать: „вотъ законы для нихъ“! Вѣдь это вопросъ. Но если разсудить этотъ вопросъ...

Тутъ я потерялъ нить проповѣди, ибо я не былъ въ состояніи слѣдить за скачками и ссылками оратора на разныя мѣста писанія. Меня интересовалъ не выводъ, а самъ

Шлёма. Неужели это Шлёма? Вотъ этотъ еврей, съ гордой осанкой и повелительными жестами, властелинъ толпы, о которой онъ такъ заботится, это—Шлёма? куда дѣвалась его робость, и откуда взялся у него такой звучный голосъ, бьющій силой и желѣзной убѣжденностью? А глаза! Еще вчера утромъ они походили на мышиные; взгляды ихъ были неясный и мутный отъ безпрестанной мысли, разбиваемой тысячью мелкихъ помѣхъ, отъ неустаннаго напряженія, отъ необходимости вѣчно стоять на стражѣ своей духовной жизни. Вотъ почему, занятый только своею мыслью и страстно влюбленный въ нее, онъ постоянно торопился отвернуться отъ будничной суеты и казался такимъ растеряннымъ и жалкимъ. Теперь — его день; теперь онъ чувствуетъ себя сильнымъ и могучимъ въ области созерцанія. Что значать всѣ канцеляріи, всѣ дѣла мірскія — въ сравненіи съ тайнами, которыми онъ думаетъ теперь обладать, которыми онъ готовъ подѣлиться со всѣми!..

Хаимъ-Беръ все гладилъ свою бороду; портной Ицка положилъ обѣ руки на столъ и спряталъ между ними свою голову; кто стоялъ у амвона, кто, раскачиваясь, подпѣвалъ за ораторомъ тексты.

Оказалось, что подлинникъ Иеговы относительно законовъ выраженъ не такъ, какъ того желаетъ Шлёма для того, чтобы подъ каждой буквой подразумѣвались слова, которыя начинались бы этою же буквою и значили бы вмѣстѣ: „и обязанъ человекъ блюсти законъ; судья долженъ прежде разсудить, а потомъ рѣшать, выслушивать обѣ стороны, не заискивать передъ богатыми, а чуждаться ихъ“. Далѣе, непонятнымъ для меня образомъ, былъ вдругъ ребромъ поставленъ вопросъ: гдѣ фараонъ взялъ лошадей, чтобы нагнать бѣжавшихъ изъ Египта евреевъ?

— Въ библіи сказано, что Богъ покаралъ египтянъ еще

падежемъ на ихъ скотъ. Черезъ нѣсколько страницъ говорится уже что фараонъ гнался на лошадахъ. А?! гдѣ же онъ взялъ лошадей?

Слушатели переглянулись, спрашивая также другъ друга глазами: „гдѣ?“

Но вопросъ у Шлѣмы легко объяснился: нѣкоторые изъ египтянъ, убоявшіеся Бога, спрятались съ своимъ скотомъ, на время падежа, у евреевъ, и вотъ они-то, спасшіеся, снабдили своего царя лошадьми.

— Ну, а теперь послушайте еще немного, и вы поймете всю мою проповѣдь, — это послѣднее. Въ одной пасхальной молитвѣ сказано: „иди, изучай, что сдѣлалъ Лаванъ праотцу нашему Іакову; фараонъ хотѣлъ истребить только мужчинъ, а Лаванъ—всѣхъ. Это что значить? Лаванъ — нашъ, и вдругъ онъ хотѣлъ насъ погубить?—Ша, тише, тише! (Въ синагогѣ царила совершенная тишина.) Въ талмудѣ сказано, что ни одинъ отецъ не долженъ дѣлать различія между своими сыновьями, только старшаго онъ долженъ больше уважать: онъ первенецъ, а тѣ равны между собою. Старшаго слѣдуетъ одѣвать лучше, а другихъ одинаково, чтобы между ними не было зависти. Постоите же: а Іаковъ сдѣлалъ красную шелковую рубашку Іосифу, одному изъ младшихъ сыновей; братья позавидовали, продали Іосифа въ рабство, а тамъ ужъ пошло... Кто же виноватъ? Лаванъ! еслибы онъ не обманулъ Іакова, еслибы онъ не замѣнилъ Рахили... Ну? (онъ ожидалъ, чтобы кто-нибудь изъ слушателей подхватилъ слѣдующее слово)—Ліей,—выручилъ Хаимъ-Беръ.

— То Іосифъ былъ бы...

— Первенцомъ,—продолжалъ Хаимъ-Беръ.

— Изъ-за рубашки не было бы...

— Зависти.

— Да, не было бы зависти; а если не было бы зависти, Иосифъ не былъ бы проданъ, мы не были бы въ Египтѣ, гдѣ мы всѣ чуть не погибли... Теперь вы понимаете?

— А-а-а-а! Ай-ай-ай!—восторгались слушатели:—такая мысль... такая мысль!.. Вѣдь это сладко какъ сахаръ; изъ его рта сыплется жемчугъ!—Въ синагогѣ стоялъ шумъ, на который Шлёма не обратилъ вниманія: онъ былъ гдѣ-то далеко. Сквозь общій гамъ я различалъ одно его жужжаніе и послѣднія слова проповѣди: „и придетъ мессія въ будущемъ году въ Иерусалимъ, и скажемъ: аминь!“...

Зачѣмъ Богу нужны стулъ и скамеечка для ногъ,—я все-таки не узналъ...

Шлёма снялъ талесъ и, тяжело дыша, спустился съ амвона и пошелъ на свое мѣсто. Его окружили, заговаривали съ нимъ, выражали ему свой восторгъ, но онъ сталъ у стѣны, спиной къ толпѣ, и началъ молиться. Приближался вечеръ. Хаимъ-Беръ вышелъ изъ ряда скамеекъ, положилъ руки въ карманъ штановъ и сказалъ:

— Не пора ли начать вечернюю молитву?

Оживленіе улеглось; одинъ еврей подошелъ къ канторскому столику и началъ молиться вслухъ, а остальные повторяли за нимъ. По окончаніи этой краткой молитвы, кучки стали дробиться. По мѣрѣ приближенія вечера, присутствовавшіе становились все мрачнѣе. Кто выбѣгалъ на улицу посмотрѣть, нѣтъ ли еще звѣзды, чтобы можно было закурить; слышались уже обыкновенные разговоры, даже жалобы на дѣла. Въ душѣ каждого возставали призраки, давившіе его прежде: нужда, голодь, позоръ... Говорятъ, что пріѣдетъ податной инспекторъ для провѣрки торговыхъ документовъ, — надо и о немъ позаботиться... Сообщившій о „курицѣ“ кусаетъ свою бороду и о чемъ-то рассказываетъ служкѣ. Только Шлема ни съ кѣмъ не говорилъ, былъ спо-

коень, хотя лицо его понемногу тоже принимало свой обыкновенный видъ. Послѣ двухъ ударовъ служки, началась послѣдняя молитва... Въ ней слышалась покорная грусть съ отѣнкомъ упрека въ каждой фразѣ, обращенной къ Нему: „Ты—все видишь и все знаешь, и что же съ нами?! Но, все же, Ты святъ, святъ, трижды святъ!“ Отдыхъ восстанавливаетъ силы, освѣжаетъ организмъ, но предстоящая работа слишкомъ тяжела, и хотя теперь понятно зло, сдѣланное Лаваномъ израилю,—страхъ предъ будущимъ несокрушимъ, переходъ отъ блаженной субботы къ буднямъ тяжелъ и жестокъ. Долой чистые кафтаны, исчезаетъ „израиль“ и на сцену являются „жиды“. Правда, и въ субботу нѣтъ недостатка въ людяхъ, желающихъ поглумиться надъ жидовскимъ „шабесомъ“, надъ движеніями молящихся; но тогда, съ той высоты, на которую израиля возноситъ суббота, это менѣе замѣтно, а затѣмъ идетъ опять старое, опять обычное:

- Ваша благородія, хорошій сахаръ!
- Пошелъ вонъ, жидъ!
- Гашпадинъ, не вгодно конфетовъ?
- Не приставай, говорятъ!
- Господинъ урядникъ, ваша благородія, я только на одну недѣля, мне жалко, что вы себя беспокоите...

Съ нахмуренными лицами уходятъ всѣ домой, въ синагогѣ гасятся свѣчи, и въ ней водворяется мракъ. Она глядитъ сурово: лишенная своей роли до слѣдующей субботы, она не смотритъ теперь съ участіемъ на другіе дома въ блескѣ свѣчей, а ушла въ себя, озлобленная и мрачная...

V.

Прошло три мѣсяца, наступила глубокая зима. Николаевка была засыпана снѣгомъ, морозы стояли лютые. То-

щія фигуры евреевъ суетились по утрамъ около прибывавшихъ изъ окрестностей повозокъ съ хворостомъ, который они раскупали для топлива. Замѣчалось въ общемъ теченіи жизни какое-то уныніе; особенно грустно и тяжело бывало по вечерамъ. Не было и слѣда того бодрящаго впечатлѣнія здоровой русской зимы, которое она приноситъ съ собою въ крестьянскія села...

Вонь дрожить слабая Хайка, сидя за своимъ столикомъ, въ ватной кофть, изъ которой торчатъ лохмотья; вонь трясутся разносчики въ лѣтнихъ пальто; лица у нихъ синія, сами съѣжились; мальчишки „кусаютъ законъ“: пѣсня свободная, улаждающая жизнь—не пристала, видно, еврейской молодежи... Все уныло, все крахтитъ, а по вечерамъ даже въ воздухъ чувствуется страхъ, и морозъ точно не радъ своей роли: надъ кѣмъ онъ проявляетъ свою силу? Кой-гдѣ мелькнетъ во тьмѣ фонарь, освѣщая лица мальчиговъ, идущихъ изъ хедера домой,—и только...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я сидѣлъ у себя, занятый составленіемъ новаго прошенія по моему дѣлу.

— А ну, будьте столь добры, отворите!—сказалъ кто-то по-еврейски, постучавши въ ставню моего окна.

Я впустилъ къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ густымъ паромъ и струей холода служку синагоги, одѣтаго въ лохмотья, съ тряпкой на шеѣ, вмѣсто шарфа, съ поломаннымъ фонаремъ безъ двухъ стеколъ, въ которомъ горѣлъ огарокъ сальной свѣчки. Теперь только я разглядѣлъ его: онъ былъ высокъ, плечистъ, съ грубымъ выраженіемъ лица, отъ него отдавало дикостью, и замѣтенъ былъ отпечатокъ, какой кладетъ горемычная жизнь ни въ чему непристѣгнутыхъ бобылей. Онъ выговаривалъ слова съ трудомъ, точно они стоили ему большихъ усилій, при чемъ въ началѣ разговора заикался. Прежде всего онъ погасилъ огарокъ, вытеръ усы вой-

лочнымъ рукавомъ своего верхняго платья, поплясалъ на мѣстѣ, отбивая снѣгъ отъ сапогъ.

— Мосю, добрый вечеръ вамъ! Какъ у васъ тепло, это прелесть!—сказалъ онъ, потирая ладони.—Что значить, когда топншь! ай-ай!—и онъ покачалъ головой.—Вы мнѣ позволите сѣсть? Будьте такъ добры, я немножечко посижу, а сказать вамъ, зачѣмъ я пришелъ, я еще успѣю... немного отогрѣюсь (онъ сѣлъ по моему приглашенію). А! что, можетъ быть, га?.. У васъ есть табакъ? а ну, дайте-ка немного сюда!

Я подаль ему табакъ и всѣ принадлежности для куренія.

— Чтобы вы мнѣ были здоровы и живы 120 лѣтъ! А, вѣдь это прелесть! (Онъ закурилъ.) Я вамъ не помѣшалъ? га! вы можете мнѣ сказать: не церемоньтесь, что тутъ церемониться!.. Нѣтъ?.. вы скажите мнѣ это на чистоту; я простой малый, я совсѣмъ изъ маленькихъ пановъ; если нѣтъ—я могу взять ноги на плечи и сейчасъ вытечь отсюда; я вѣдь не танцевалъ съ медвѣдемъ! Что-жъ дѣлать?

— Нѣтъ, пожалуйста, сидите, сколько хотите, мнѣ очень приятно! Да отчего вы вздыхаете!

— Гмъ, это развѣ я вздыхаю? это мои заботы вздыхаютъ!.. Что можетъ быть изъ насъ всѣхъ, и зачѣмъ Всевышній создалъ такой міръ, а? Но нельзя говорить...

— А что такое?

— Ахъ, какая здѣсь теплота!.. Вкусъ рая... и тамъ не нужно лучше! У васъ есть книга одного, какъ его... Я уже забылъ, Гре... Гретцъ, Гретца... я вспомнилъ: Гретцъ, писано по ихнему.

— Есть, а зачѣмъ вамъ?

— Какъ зачѣмъ? Слушай! я вѣдь за этимъ пришелъ!

— Въ такой холодъ?

— Э, пустыя вещи! когда нужно, такъ нужно!

— Зачѣмъ же вамъ нужно?

— Мнѣ? вотъ тебѣ новость! развѣ я говорю, что—мнѣ?
Я говорю, что нужно—и только.

— Кому же нужно?

— Кому нужно,—это другая сказка; это нужно ребѣ Шлойме... Ну, довольны?... Я еще немного посижу!—добавилъ онъ просительно.

— Почему же онъ самъ не пришелъ!

— Э, вотъ вы чего захотѣли!.. Вотъ это-то и все несчастье, что онъ не можетъ ходить!

— Какъ не можетъ?!

— Какъ не можетъ? такъ, не можетъ... а вы не знаете, какъ это не могутъ?.. Нѣтъ... однако жарко становится... Онъ не можетъ, это простая вещь: онъ лежитъ больной.

— Чтò съ нимъ? Давно онъ боленъ, расскажите же, прошу васъ, толкомъ!

— Чтò тутъ рассказывать?! Ну, а если я расскажу вамъ толкомъ,—такъ, вы думаете, онъ выздоровѣетъ? Нѣтъ, грязь!.. У васъ никого нѣтъ за дверью? а посмотрите-ка, можно говорить громко?

— Да чтò такое?—спросилъ я тревожно.

Онъ началъ тихо, почти шопотомъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ панъ... (онъ остановился и началъ озираться) закрылъ ему хедеръ и отдалъ его... подъ судъ...

— Ну, такъ что же? да говорите по-человѣчески!

— А чтò, развѣ я говорю иначе? Съ тѣхъ поръ какъ панъ отдалъ его подъ судъ, онъ ходилъ учить дѣтей по домамъ, чтобы никто не зналъ... Ну, слабый человѣкъ, и безъ того больной, теплаго платья нѣтъ, какъ водится, въ порванныхъ сапогахъ... такъ это говорится и въ сказкѣ...

простудился и лежит уже цѣлую недѣлю; теперь у него жаръ... въ хатѣ холодно... Хорошо, очень хорошо!

— Ахъ, какой вы чудакъ! зачѣмъ вы не сказали этого сразу, и къ чему вы спросили, нѣтъ ли кого-нибудь у меня?

— Мало ли что можетъ случиться! Я говорилъ о панѣ... нельзя осуждать... онъ можетъ узнать...

— Чѣмъ же Шлойме живетъ? Кто у него бываетъ? Зачѣмъ ему Гретцъ?

— Не спѣшите же, этого я не люблю, это совсѣмъ не годится... Я вамъ скажу... (Онъ зажегъ огарокъ въ фонарѣ и всталъ, опираясь на длинную палку). Чѣмъ онъ живетъ? Такому человѣку, конечно, не дадутъ совсѣмъ упасть. Даютъ иногда двугривенный, иногда полтинникъ, а иногда гривенникъ, какъ случится, и то не ему, Боже сохрани, а его женѣ, чтобы онъ не зналъ... А кто бываетъ? По вечерамъ у него много бываетъ: заповѣдь! Онъ любитъ рассказывать, его слушаютъ. Вотъ и теперь у него сидятъ, говорятъ, вотъ и ему понадобился этотъ... какъ его... Гретцъ. Ну, это все... Такъ вы мнѣ его дадите?

— Подождите, я тоже съ вами пойду!

— О! съ самымъ большимъ удовольствіемъ! Отчего нѣтъ? а ну, ну! Собаки много... Но идти слѣдуетъ: правое дѣло, заповѣдь!

Я наскоро одѣлся, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже находились въ огромныхъ сѣняхъ съ землянымъ поломъ, изрытымъ ямами. Служка открылъ дверь хаты; паръ хлынулъ туда, и я сразу ничего не могъ разобрать. Помѣщеніе Шлѣмы состояло изъ одной комнаты безъ половъ, съ сѣрыми стѣнами и разбитыми ставнями. По срединѣ находился простой столъ, на которомъ были разбросаны книги; въ углу — шкафъ подъ стекломъ, набитый кожаными переплетами, ко-

торые составляли единственную роскошь жилья. На огромной русской печи и на лежанкѣ помѣщалась семья Шлёмы; въ другомъ углу стояла простая деревянная кровать, защищенная отъ сырости прилегающей стѣны старыми мѣшками. На довольно грязной подушкѣ лежалъ Шлёма, опершись на руку, и рассказывалъ о чемъ-то сидѣвшимъ недалеко отъ него на табуретахъ, Хаимъ-Беру, кантору и еще какимъ-то двумъ неизвѣстнымъ мнѣ евреямъ. Облокотясь на спинку кровати, стояла жена Шлёмы съ стаканомъ, наполненнымъ какимъ-то настоемъ.

— Я объ этомъ непременно подумаю!—разслышалъ я слова Шлёмы. Онъ былъ блѣденъ, говорилъ тихо; глаза и лицо его пылали, онъ часто кашлялъ.

— Добрый вечеръ! Какъ ваше здоровье, ребе Шлойме? Онъ смотрѣлъ на меня ласково и старался присѣсть.

— Это большая деликатность съ вашей стороны, что вы пришли,—произнесъ онъ съ трудомъ:—посѣщать больного—заповѣдь. Очень правильно... сидите... У васъ, можетъ быть, есть исторія Гретца?

— Скажите, Бога ради, кто васъ лечитъ?—Онъ улыбнулся и махнулъ рукой.

— Пустое дѣло! лучше бросимъ это. Вотъ ребе Хаимъ-Беръ гдѣ-то вычиталъ въ этой книгѣ, будто былъ народъ такой, хозаре, и всѣ они, и ихъ цари — были еврейской вѣры. Хотя я это зналъ, но мнѣ хочется послушать, какъ тамъ написано. А ну, прочтите мнѣ, какъ это выходитъ?—Онъ снова силился присѣсть.

— Я непременно прочту вамъ это завтра.—Хаимъ-Беръ и другіе поднялись съ своихъ мѣстъ. Хаимъ-Беръ кивнулъ хозяйкѣ,—та вышла въ сѣни.

— Ну, на здоровье! Всевышній самъ поможетъ вамъ, ребе Шлойме!—говорили уходившіе.

— Надежда на Всевышняго!—отвѣтилъ больной.—Живите долго за то, что побесѣдовали со мною.

Хозяйка возвратилась съ заплаканными глазами и взо-
бралась на печку, откуда едва слышались ея всхлипыванія.
Служка потиралъ руки и стучалъ сапогами. Въ комнатѣ
было сыро и холодно. Шлёма молчалъ и глядѣлъ въ потолокъ.

— Давно вы больны?—спросилъ я.

— Чтò вы говорите? давно ли я боленъ? Больше недѣли.

— Я имѣю къ вамъ просьбу; сдѣлайте мнѣ одолженіе,
позвольте мнѣ прислать къ вамъ доктора.

— Вы еще дитя!.. Чтò мнѣ вашъ докторъ сдѣлаетъ?
Его уже звали; онъ говоритъ, что здѣсь сыро, что нужно
ѣсть мясо и запивать молокомъ... Пусть онъ самъ пьетъ;
а что здѣсь сыро, я раньше зналъ... Вашъ докторъ!—про-
изнесъ онъ презрительно.

— Но такъ нельзя!

— Ахъ, отложимъ это, я васъ прошу!.. Вы долго про-
будете здѣсь?—Онъ собирался сказать еще что-то, но оста-
новился...

— Ребе Бурихъ, обратился онъ къ служкѣ:—будьте
такъ добры, на столѣ лежитъ библія... дайте ее мнѣ!

Бурихъ исполнилъ приказаніе, и Шлёма углубился въ
поданную ему книгу.

— Нѣтъ, не выходитъ,—бормоталъ онъ:—просто не-
счастье!—и, закрывъ книгу, задумался.

— Чтò такое, ребе Шлойме?...

— Чтò такое?—переспросилъ я, не получивъ отвѣта.

— Чтò такое? малость: не будь здѣсь такого *т*, могло
бы выйти по каждой буквѣ хорошее предсказаніе для евреевъ
относительно нынѣшняго времени... Одно *т* *)... я уже

*) Въ еврейской азбукѣ два т.

пробоваль... Дайте-ка псалмы Давида! — приказаль онъ служкѣ.

Шлёма углубился въ псалмы и не обращаль на насъ никакого вниманія. Служка слегка толкнулъ меня, приглашая уйти вмѣстѣ съ нимъ. „Мы ему мѣшаемъ“, поясниль онъ. Я простился съ Шлёмой и обѣщаль ему прочитать вслухъ мѣсто изъ Гретца; онъ попросиль меня не заботиться объ этомъ и продолжалъ свое дѣло.

Всю дорогу мы молчали. Морозъ свирѣпствовалъ еще съ бѣльшею силой; поднялась метель... Бѣдный служка торопился, дрожа отъ холода. При свѣтѣ его фонаря я увидѣль, что онъ былъ задумчивъ и въ глазахъ его стояли слезы. Онъ оборачивался ко мнѣ нѣсколько разъ, желая начать разговоръ, но почему-то не рѣшался сдѣлать это.

— Вотъ человѣкъ!—выговориль онъ, наконецъ, когда мы вошли въ мой корридоръ.—Спокойной ночи!

— Зайдите, отогрѣйтесь!

Онъ кашлянулъ отъ удовольствія и, погасивъ огарокъ фонаря, поставиль свою палку въ уголь, чѣмъ показаль мнѣ, какъ охотно принимаетъ мое приглашеніе. Когда мы вошли въ комнату, онъ немедленно подошелъ къ печкѣ и и началъ грѣть руки.

— Прелесть!—восторгаль онъ. — Что можетъ быть лучше!.. Вы топите навѣрное дровами?...

— Чтò я у васъ спрошу, — продолжалъ онъ, когда я усѣлся за своимъ столомъ:—вы же ученый человѣкъ... отчего это люди бываютъ несчастны?

— Это трудно сказать...

— Эхъ, вотъ такъ и блуждаешь во тьмѣ, какъ корова... А на дворѣ, вы замѣтили, холоднѣе сдѣлалось... Предопредѣленіе!.. А видно, что служанка ваша въ-время трубу

закрываетъ... Ну, да, когда есть дрова, всякій дуракъ вытопить!

Я сталъ рыться между книгами, отыскивая Гретца.

— Вы знаете, какую красивую вещь я вамъ скажу? Вотъ, пусть-ка я ночую у васъ сегодня въ самомъ дѣлѣ!.. На дворѣ холодно и темно..., у меня нѣтъ семьи... волкъ... Въ синагогѣ тоже холодно... развѣ топятъ, какъ слѣдуетъ?!.. Я тутъ на полу лягу.

— Пожалуйста. Мнѣ будетъ пріятно.

— Я это раньше зналъ... Охъ, болячка у меня большая... дуракъ дуракомъ останется, какъ скотина... Видишь?.. А печка таки кирпичная... э, вотъ оно какъ у насъ! теперь я понимаю... Вотъ я тутъ лягу себѣ (онъ сбросилъ съ себя свое „пальто“, взялъ подстилку, обратилъ ее въ тюфякъ и разлегся). Ахъ, слава Богу и за это!.. Ну, ничего не подѣлаешь! Слышь, *т* мѣшаетъ, говоритъ онъ; вѣроятно, онъ знаетъ, что говорить; онъ изъ головы не выдумаетъ... Хорошо вытоплено... что хорошо, то хорошо... нечего сказать... Охъ-о-хо-хо-хо-хо-хо!..

Я еще долго сидѣлъ надъ закрытой книгой: роковое *т* и мнѣ не давало спать... Мнѣ было больно и досадно: „и что бы было въ самомъ дѣлѣ,—думалъ я,—написать какъ-нибудь иначе и не сбивать ребе Шлойме съ пути, лишая его минутнаго утѣшенія... единственнаго утѣшенія, доступнаго еврейскому мечтателю“...

На слѣдующій день я опять навѣстилъ Шлойму, прочелъ ему изъ Гретца нѣсколько страницъ, въ которыхъ говорится о хозарахъ и письмѣ испанскаго министра-еврея къ послѣднему хозарскому царю, Иосифу. Шлѣма проследился и, по окончаніи чтенія, благодарилъ меня.

— Вы просто оживили меня, я этого настолько не зналъ. Что можетъ случиться на бѣломъ свѣтѣ!

Вечеромъ того же дня я повторилъ свое посѣщеніе, упросилъ жену Шлёмы принять отъ меня немного денегъ и увидѣлъ Шлёму въ очень хорошемъ расположеніи духа: онъ даже присѣлъ и рассказывалъ что-то громко. Его окружали его обычные гости. При моемъ входѣ онъ сказалъ радостно:

— А ну, идите-ка сюда, это васъ тоже касается; прежде всего садитесь. Вы молитесь? Скажите откровенно, мы вѣдь свои люди... навѣрное нѣтъ?

Онъ говорилъ со мной какъ съ ребенкомъ, которому удѣляетъ немного времени, потому что доволенъ имъ, а самъ онъ былъ доволенъ собой и находилъ удовольствіе въ томъ, что снисходилъ къ моей духовной бѣдности.

— А вы не знаете, что не молитесь грѣхъ большой?— потѣшался онъ надо мной, желая пристыдить меня.

— Онъ молится въ двухъ парахъ тефилинъ *), какъ праведники,—сострилъ на мой счетъ Хаимъ-Беръ:—Что-жь, онъ привыкъ такъ.

— Ну, а постъ соблюдаете?

— Что за вопросъ!—продолжалъ Хаимъ-Беръ:—развѣ нужно еще спрашивать!

— А можетъ быть, онъ одинъ изъ скрытыхъ праведниковъ? — говорилъ канторъ, которому сообщилось шутливое настроеніе другихъ.

— Позвольте, господа!—отозвался я: — я вѣдь еще не знаю, въ чемъ дѣло?

Никто не отвѣчалъ мнѣ; Шлёма смотрѣлъ на меня ласкающе; на его лицѣ выражалось состраданіе ко мнѣ, но не было желанія говорить со мною, какъ съ равнымъ, и пускаться въ объясненія.

*) Головной уборъ во время молитвы.

— Объясните же мнѣ хоть вы, ребе Хаимъ-Беръ! — попросилъ я: — я хочу знать, какой смыслъ имѣютъ ваши вопросы?

Хаимъ-Беръ сидѣлъ ко мнѣ въ полуоборотъ и чесалъ свой подбородокъ; онъ лѣниво отвѣтилъ:

— Это не Тургеневъ; что же можетъ быть хорошаго?

— А все-таки!

— Эхъ, это вамъ въ одно ухо войдетъ, а изъ другого выйдетъ... Поэзій!.. Пусть онъ вамъ скажетъ, если хочеть! — И онъ указалъ на кантора. Послѣдній оказался болѣе уступчивымъ и не безъ нѣкоторой деликатности объяснилъ мнѣ, что ребе Шлойме только-что сдѣлалъ одно очень замѣчательное толкованіе. Сказано, что отъ евреевъ требуются три вещи: молитва, покаяніе и благотворительность. Раввины обозначили такъ: молитва — голосъ, покаяніе — постъ, благотворительность — деньги. Ребе Шлойме и растолковалъ, что въ ихъ опредѣленіи скрывается бездна ума, это нужно понять: „голосъ“, „постъ“ и „деньги“, по-еврейски, равны между собой по счету буквъ, число которыхъ въ каждомъ изъ этихъ словъ составляетъ 136. Это равенство должно доказывать, что Богъ снисходитъ къ слабости людей, которые не всегда могутъ выполнить всѣ эти требованія и, при существованіи уважительныхъ причинъ, довольствуются однимъ изъ трехъ. Подтвержденіемъ этого могутъ служить слова Давида, когда, говоря о премудрости Творца, онъ восклицаетъ: „человѣкъ *глупъ*, не знаетъ, и злодѣй не знаетъ *этого*“. „Глупъ“ по числу буквъ = 272, „этого“ = 408. Значить, въ словахъ Давида скрывается слѣдующая мысль: человѣкъ не знаетъ двухъ требованій (2.136), а злодѣй — всѣхъ трехъ (3.136), т.-е. можно остаться человѣкомъ, не выполнивъ двухъ изъ этихъ требованій; значить, одно обязательно; но не исполнить и одного изъ нихъ — тяжкій грѣхъ, свойственный злодѣямъ.

— Ну, теперь вы его просто осчастливили! — подхватил презрительно Хаимъ-Беръ. — Вы кончили? Ну, теперь на немъ новая кожа. Вотъ онъ чешется отъ того, что вы сказали. Онъ даже не будетъ спать цѣлую ночь. Шутка!

Шлёма продолжалъ смотрѣть ласково, но, кажется, не слышалъ, о чемъ говорили. Я ушелъ, довольный благопріятнымъ поворотомъ въ настроеніи Шлёмы, и полагалъ, что дальнѣйшія мои посѣщенія излишни.

Утромъ слѣдующаго дня я былъ пораженъ сильнымъ стукомъ въ ставню. Я вскочилъ и подошелъ къ окну узнать, кто стучитъ, но на мои вопросы слѣдовалъ стукъ болѣе сильный. Я потерялъ терпѣніе и сильнымъ движеніемъ руки просунулъ стержень ставни такъ, что она открылась; я увидѣлъ осыпаннаго снѣгомъ служку, скорчившагося отъ холода. Свистъ вьюги былъ слышенъ въ комнатѣ. Я отдернулъ крючокъ у двери и толкнулъ ее ногою. Онъ влетѣлъ въ комнату съ искаженнымъ лицомъ и, безъ привѣтствія, не взирая на мое сердитое замѣчаніе: „зачѣмъ вы не отвѣчаете, когда васъ спрашиваютъ?“ — прихлопнулъ дверь, посмотрѣлъ на меня съ какой-то враждой и, приблизившись ко мнѣ, съ жестокимъ упрекомъ промчалъ, заикаясь:

— А его опять взяли!

— Кого? Кто?

— Кого? Кого! Вамъ надо спать до девяти часовъ... Образованный человѣкъ!.. Зачѣмъ его взяли?

— Шлёму?

— А вы не знаете! Да, Шлёму; вы видите, что не меня... Только-что два десятскихъ провели его мимо вашей квартиры. Вьюга разметаешь свѣтъ... Съ постели... больного человѣка... слабъ... Почему его взяли? а?

Я ничего не понималъ и, не тратя словъ, разумѣется, послѣшилъ одѣться и отправиться въ полицію.

— Я здѣсь буду ждать... Когда идете, такъ идите. Такъ нельзя... Что это, свѣтъ не свѣтъ? вѣдь человѣкъ!..

Я предоставилъ ему доканчивать про себя свою рѣчь и почти у самаго полицейскаго дома нагналъ арестованнаго. Онъ плелся, сопровождаемый двумя десятскими, которые слегка поддерживали его. Онъ пошатывался; въ лицѣ его не было ни кровинки; глаза смотрѣли вдаль, нижняя челюсть вздрагивала; порой онъ пугливо оглядывалъ своихъ провожатыхъ. Послѣдніе шли, сознавая лежавшую на нихъ отвѣтственность, и число ихъ доказывало, что дѣло было не шуточное.

Я поровнялся съ ними и спросилъ Шлѣму, зачѣмъ его потребовали, отчего онъ не сослался на болѣзнь? вѣдь онъ имѣлъ право не являться до выздоровленія! Онъ быстро взглянулъ на меня, нижняя скула его дрожала, и онъ только ускорилъ шаги, а одинъ десятскій объяснилъ, что Шлѣму приказано было „доставить“ немедленно. Шлѣма вглядывался и въ меня, и въ говорившаго, и все торопился. Я оставилъ ихъ и поспѣшилъ въ канцелярію Лаврентія Ардалионовича; но тамъ мнѣ сказали, что не приказано никого пускать къ нему въ кабинетъ, такъ какъ онъ сегодня очень занятъ. Я сталъ дожидаться въ прихожей, а тѣмъ временемъ прибылъ и Шлѣма, который повалился на скамейку, уцѣпившись обѣими руками за ея доску, чтобы держать свою спину въ равновѣсіи. Онъ скорчился, снялъ шапку и ермолку, и стриженная голова его ушла въ глубь воротника потертаго драповаго пальто; воспаленные мышинные глаза искрились и перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Ишь, въ могилу пора, а сплutowалъ, стало быть!— замѣтилъ одинъ изъ ожидавшихъ по дѣлу мастеровыхъ.

Изъ канцеляріи вышелъ писарь, чтобы убѣдиться, пришелъ ли герой сегодняшняго утра, и отъ удовольствія кив-

нулъ головой. Шлёма остановилъ на немъ взглядъ безсмысленный, нѣмой, переводя его и на одежду, и на обувь, то писаря, то нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ.

Онъ закашлялъ.

— Эй!

Послышался рѣзкій звонокъ изъ кабинета, откуда выглянулъ Кагайловъ.

— Есть! — доложилъ онъ громко и вышелъ къ дождавшимся.

— Вставай! — крикнулъ онъ Шлёмѣ.

Тотъ медленно повернулъ голову въ его сторону и сталъ подниматься, опираясь на ладони.

— Поставьте его! — приказалъ нетерпѣливый Кагайловъ десятскимъ, которые тотчасъ его „поставили“.

— Ага, есть! — грозно произнесъ появившійся Лаврентій Ардаліоновичъ и, увидя меня, прибавилъ: вотъ кстати, порадуйтесь! Шлёма!

Шлёма медленно откинулъ одной рукой огромный воротникъ пальто, вытянулъ лицо и умудрился поклониться, держа подъ мышкой свои головные уборы.

— Франтъ! — потѣшался надзиратель: — мое нижайшее!.. Эй, стрѣлять будешь?

Присутствующіе разсмѣялись. Шлёма прищурилъ глаза и сморщилъ лобъ отъ напряженія.

— Отвѣчай: будешь стрѣлять?

Взрывъ хохота. Шлёма издалъ какой-то болѣзненный звукъ и зашевелилъ губами, желая, вѣроятно, изобразить угодливую, привычную улыбку.

— Лаврентій Ардаліоновичъ! — вступился я: — вѣдь онъ боленъ; развѣ нельзя этого отложить?

— Да-съ, нельзя. Кагайловъ, прочтите полученную бумагу; пусть послушаютъ...

Кагайловъ началъ читать... О, ужасъ! это было требованіе о немедленномъ арестованіи августовскаго мѣщанина Шлёмы Мейерова Яроцкаго и о высылкѣ его съ первымъ этапомъ, такъ какъ онъ уклонился, лѣтъ тридцать тому назадъ, отъ отбыванія воинской повинности...

Извѣстіе это поразило всѣхъ, и никто не смѣялся теперь, видя еле дышавшаго „воина“. Шлёма какъ будто не разслышалъ прочитаннаго; онъ все смотрѣлъ вопросительно, безсмысленнымъ взоромъ на потолокъ и стѣны, и закашлялъ...

— Ну, что ты скажешь?—спросилъ его надзиратель, приблизившись къ нему.

Шлёма встрепенулся. Печально улыгнувшись и, въ свою очередь, сдѣлавъ шагъ къ надзирателю, глядя ему пристально въ глаза, онъ сказалъ слабымъ голосомъ, но твердо, тономъ человѣка, догадавашагося наконецъ, въ чемъ дѣло:

— Это отъ Бога!..

Надзиратель посмотрѣлъ удивленно... Не такой отвѣтъ требовался для поддержанія насмѣшливаго настроенія,—и добродушный въ сущности Лаврентій Ардаліоновичъ сразу почувствовалъ неестественность своей интонаціи. Шлёма своимъ отвѣтомъ далъ ему ключъ къ болѣе вѣрному пониманію „этого типа“. Я хорошо зналъ Лаврентія Ардаліоновича, его впечатлительность и доброе сердце, и потому легко замѣтилъ происшедшую въ немъ перемѣну. Онъ съ возроставшимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ вглядывался въ невзрачную фигуру Шлёмки, и въ глазахъ его заискрилось даже уваженіе...

— Все отъ Бога!.. — процѣдилъ онъ: — гмъ, да-съ... А вамъ чего надо? — обратился онъ къ постороннимъ:— убирайтесь, чего прилѣзли? Посадите его на скамью!—приказалъ онъ десятскимъ... Садись, Шлёма... я сейчасъ...

И онъ далъ мнѣ знакъ послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ. Когда я вошелъ туда, онъ плотно притворилъ за мною дверь.

— Да, я вамъ доложу, Яковъ Григорьевичъ! это „сюрпризъ“, и даже того... сугубое... Тутъ еще это дѣло, онъ подъ слѣдствіемъ за школу проклятую, а теперь... извольте больного, хилаго... Да вѣдь онъ не выдержитъ... Ну, какъ его отправлять теперь этапомъ за двѣ тысячи верстъ, въ такой хододъ!

— Лаврентій Ардаліоновичъ, простите; но зачѣмъ же вы не приказали не трогать его, если онъ боленъ?

— Чортъ его знаетъ! во-первыхъ, это было бы ужъ очень „гуманно“ (онъ улыбнулся); во-вторыхъ, какъ я могъ предположить болѣзнь! Шлѣмка способенъ на все, жиды можно требовать всегда... Наконецъ, я былъ увѣрепъ, что это плутъ, мошенникъ... Съ одной стороны—„немедленно“ и за „уклоненіе“, а съ другой—кто его знаетъ, какъ тогда было при той рекрутчинѣ, да еще жидамъ... Я бы и самъ, можетъ быть, удралъ при тѣхъ порядкахъ. Наконецъ (и онъ сконфуженно улыбнулся), все это видите... оказывается отъ Бога!

— Что же теперь будетъ?

— Погодите, мнѣ что-то припомнилось... надо заглянуть въ рекрутскій уставъ. Позвольте.—И онъ сталъ перелистывать снятую имъ съ этажерки книгу.

— Такъ и есть! И какъ это я раньше не замѣтилъ? Шлѣма не можетъ быть ни призываемъ, ни подвергнутъ наказанію за истеченіемъ срока давности. Этого, въ припадкѣ „не послабляючи“, какимъ-то образомъ и не разглядѣли. Да вѣдь у нихъ тамъ списки, бумаги, а тутъ—живой человѣкъ... Требованіе, выходитъ, не совсѣмъ законное... Да вѣдь вотъ бѣда: я, какъ низшій по іерархіи, не

смѣю разсуждать, а долженъ исполнить. Ахъ, Ты, Господи Боже!..

— Посовѣтуйте, что же дѣлать?

— Что тамъ совѣтовать! Тутъ чортъ ногу сломить. Я самъ тутъ ничего не разберу... Это ужасно... Это не для моихъ нервъ: ружье, исправникъ, Хайка, школа, требованіе... Поймите: самъ я, какъ заяцъ, затравленъ всѣми этими предписаніями и бумагами, а тутъ—клокъ души имѣется, онъ и заговариваетъ въ подобныя минуты... Стойте нужно-жь однако дѣйствовать!

Онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ:—необходимо, во-первыхъ, достать свидѣтельство отъ городского врача о томъ, что Шлёма опасно боленъ, это—разъ; затѣмъ, пусть кто-нибудь напишетъ отъ имени Шлёмы объясненіе по поводу незаконности требованія. Мы пока время выиграемъ и, я убѣжденъ, возстановимъ истину.

— Лаврентій Ардаліоновичъ, два слова!

— Ну?

— Теперь я опять васъ узнаю...

— Очень хорошо, это именно я! — пошутилъ онъ и тотчасъ крикнулъ, насупясь:— Андрей!

— Чего изволите?

— Что это! Нужно мнѣ чай пить—или нѣтъ? „Чего изволите“! рыло неумытое, пошелъ вонъ!

— Я ухожу, Лаврентій Ардаліоновичъ!—сказалъ я.

— Ну и радуйтесь!—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ.— Кагайловъ! Прикажите отвести Шлёму домой. Онъ еле дышетъ!

Проходя переднюю, гдѣ находился Шлёма, я успѣлъ замѣтить его стеклянный взглядъ; онъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи и усиленно кашлялъ.

Сначала я обратился къ Хаимъ-Беру съ просьбой найти

адвоката и навѣстить съ нимъ Шлёму; затѣмъ я направился къ Розенфельду. Никого не было въ его столовой, дѣти его бѣгали по двору. Я обликнулъ хозяина, но вмѣсто него явилась его супруга, съ кухоннымъ ножомъ въ одной рукѣ и съ луковицей въ другой, и сердито спросила: „что, вамъ мужа моего надо?“ Я попросилъ ее сказать поскорѣе, гдѣ онъ, такъ какъ въ немъ теперь крайняя нужда.

— А что такое? что за необходимость! рѣжутъ кого? Кажется, никого не рѣжутъ!

— Не рѣжутъ, но все-таки скажите, гдѣ онъ!

Она подозрительно посмотрѣла на меня.

— Извѣстно, гдѣ онъ? Или на мельницѣ, у кочегара, или на лѣсопилкѣ. Слава Богу, у него есть гдѣ быть, если бы онъ хотѣлъ. Онъ вамъ очень нуженъ, такъ идите, ищите его,—мнѣ онъ не нуженъ!

Я кивнулъ ей головой и вышелъ въ корридоръ.

— А ну, погодите, пожалуйста!—позвала она меня болѣе ласково.

Я остановился; она приблизилась ко мнѣ и почти заискивающе спросила:

— Вы не знаете... можетъ быть, вы слышали... тамъ на вашей улицѣ... дешево продаютъ сало на пасху?..

— Не знаю-съ,—торопливо отвѣтилъ я и поспѣшилъ вонъ.

Я нашелъ Розенфельда на его лѣсопилкѣ, и онъ къ моему удивленію, оказался на этотъ разъ весьма уступчивымъ. Часа черезъ два, желанное докторское свидѣтельство и „объясненіе“ было у меня въ рукахъ; я зашелъ къ себѣ, чтобы обрадовать службу. Онъ сладко храпѣлъ, развалившись на полу возлѣ печки.

— Ребе Бурихъ!

— Га? ну, что?—спросилъ онъ, продравши глаза и вскочивъ на ноги.

— Ребе Шлойме давно ужь дома; подите къ нему, онъ очень боленъ.

Бурихъ всплеснулъ руками.

— Ахъ, ахъ, мой Богъ!.. Онъ дома, говорите вы? смотри только,—утромъ его взяли въ полицію, а теперь онъ дома! Ну, ну, я сейчасъ!

Онъ надѣлъ изорванныя рукавицы, затянулъ свой войлочный поясъ и взялся за ручку двери.

— Нѣтъ, это просто актъ!—продолжалъ онъ:—что такое, что онъ боленъ? это—грязь, это не стѣить нюха табаку, на это у насъ Богъ Отецъ! Вы думаете, онъ вѣчно будетъ боленъ? увидите!... Ну надо идти, бѣгу; когда надо, такъ надо... я самъ понимаю... вы думаете, что я... ахъ, надо!..

Онъ вышелъ, сильно стукнувъ дверью.

VI.

„Прошу убѣдительно: подождите моего возвращенія въ моей комнатѣ. Я сегодня совѣмъ развинтился и чувствую неотложную потребность хоть одинъ часъ побыть въ шкурѣ человѣка. Молодой другъ, не удивляйтесь, что я въ такомъ настроеніи! Вы меня понимаете... Самъ не знаю, что это со мной... нервы, все нервы! Побудьте со мной; хочу встряхнуть старину, я одинокъ, а сегодня только при васъ почувствую себя легче. Волнуетъ же васъ вашъ Шлѣмка разными тамъ воспоминаніями; ну, а вы волнуете меня. Что дѣлать? Или ужь не думаете ли вы, что я неспособенъ ни на что, кромѣ ругани? Эхъ, молодой другъ! Я вѣдь и ругаюсь—то тоже „отъ искренняго сердца“, какъ выражался у Гоголя уважаемый коллега, городничій... Какъ видите, нахожусь въ полосѣ покаянія, а это гораздо

удобнѣ въ личной бесѣдѣ. И такъ, жду и надѣюсь.—Вашъ Л. Алексѣевъ“.

Записку эту мнѣ отдалъ Андрей, когда я пришелъ въ полицію съ бумагами, и съ особенной любезностью прибавилъ, что баринъ просто велѣли „не отпущать васъ, а если что, такъ и обѣдать можно; они вернутся вечеромъ“. Я былъ очень тронутъ и рѣшилъ исполнить капризъ Лаврентія Ардаліоновича, ожидать его непременно въ его же комнатѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, пообедаемъ...

— Сейчасъ, какъ угодно!.. вотъ и вино... бутылочку одну для васъ, а другую старому еврею отослали.

— Шлѣмъ, что сегодня былъ здѣсь?

— Ему самому... еще чай, сахаръ и бумажку съ Кагайловымъ. Урядникъ нашъ передалъ.

Я отобѣдалъ и, сославшись на желаніе отдохнуть, вы проводилъ разговорчиваго Андрея.

Погода совершенно испортилась: поднялась сильная метель, посыпался снѣгъ. Тоскливо смотрѣли улицы и избы съ побѣленными крышами; за сердце хватала ѣдкая грусть, и все казалось безпросвѣтнымъ... Опять снѣгъ, опять вой вѣтра!..

Когда начало темнѣть, я позвалъ Андрея, велѣлъ ему зажечь лампу и поставить самоваръ. Дождавшись того и другого, я принялся безцѣльно разсматривать обстановку комнаты.

— Андрей!—послышался въ передней громкій голосъ, возвратившагося Лаврентія Ардаліоновича: — поди къ лошади! Ахъ, вы здѣсь?—сказалъ онъ ласково, войдя въ кабинетъ. Онъ снялъ съ себя шинель и, потирая руки, подошелъ ко мнѣ.

— Ну, вотъ хорошо, что вы тутъ. По крайней мѣрѣ

здѣсь тепло, уютно, а на дворѣ-то страсти! И чай какъ кстати!

— Хотите, сейчасъ налью?

Лаврентій Ардаліоновичъ сѣлъ и лѣниво махнулъ рукой.

— Отдохнуть, прежде всего отдохнуть!.. Проклятая ѣзда! Убійство тамъ какое-то. Найдень трупъ, неизвѣстно чей, кто убилъ... Я кричалъ, слѣдователь кричалъ, оба мы писали, допрашивали... Ну, какъ всегда... Боже мой!

Онъ приказалъ появившемуся Андрею налить намъ чаю и разсѣянно сталъ мѣшать ложечкой въ подданномъ ему стаканѣ.

— Да, началъ онъ, — вынимая изъ кармана табачницу и свой длинный мундштугъ; онъ чиркнулъ спичкой и закурилъ.— „Это отъ Бога“!—произнесъ онъ съ улыбкой.

— Все отъ Бога!—отвѣтилъ я.

— Я помню, лѣтъ 15 тому назадъ, — произнесъ онъ усталымъ голосомъ, послѣ нѣкотораго перерыва, опустя голову и глядя на полъ:—мнѣ пришлось одного заковать и отправить „немедленнѣйше“ въ такую же вотъ ночь, какъ теперь... Старикъ, русскій,—все дрожалъ, хилый такой... Скрывался гдѣ-то и отчего-то, я ужъ и не помню... плакалъ онъ, крестился, въ ноги падалъ... Бррр!.. Чтѣ за болванъ, гдѣ онъ чай покупаетъ, чортъ его дери! Бурда какая-то, а не чай!

— Да это, ваше благородіе, тотъ же, что и вчера... Я сегодня не покупалъ!—отозвался Андрей.

— Пошелъ вонъ, дуракъ! Тебя не спрашиваютъ!

Десятскій вышелъ, а Лаврентій Ардаліоновичъ съ ожесточеніемъ выпилъ свой стаканъ и, отодвинувъ его, продолжалъ:

— А мой исправникъ все сердится; онъ въ послѣднее время даетъ мнѣ чувствовать, что старъ я, что я ему не го-

жусь. Всю вотъ жизнь возился, волновался, и что въ концѣ концовъ? недовольство!

— Нехорошо, Лаврентій Ардалионовичъ!

— Нехорошо?.. Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-пять.

— Въ эти лѣта и я былъ полонъ надеждъ. — еще бы: во-первыхъ, былъ глупѣе; во-вторыхъ, молодость! А вотъ теперь, промаячили силы свои по мелочамъ — и что же? Недоволенъ начальникъ, значитъ и вся жизнь на смарку!.. Другой нуженъ! Такъ-съ, очень можетъ быть. А мнѣ-то что осталось? „Сладкое сознаніе исполненнаго долга“! Ха-ха-ха! Да чортъ меня побери, если я сознаю, какой именно я долгъ исполнилъ... Эхъ, не говорите мнѣ, другъ мой, модныхъ словъ! (Я, впрочемъ, и не говорилъ ничего.) Я не ребенокъ!.. Дотащился до гроба, одинокій, безъ семьи, бобылемъ—таковъ жребій. А душно, живого человѣка видѣть хочется, чувствовать по-человѣчески хочется: мозги вѣдь есть, — вы думаете, нѣтъ? Правда, деревенѣешь, замерзаетъ, а натура все таки свое беретъ... Шестидесять-пять лѣтъ!.. Иной разъ посмотрю на Кагайлова — жалко его, а взглядишься — нѣтъ, счастливъ человѣкъ, натура цѣльная. Ну, и позавидуешь! Вамъ странно слушать меня, странно, что полицейскій чиновникъ жалуется на тѣсноту, неудовлетворенность? молю, не полагается? Вотъ, смотрите! — и онъ указалъ на висѣвшую на стѣнѣ картину: „Приемная у князя“. — Субъекты!

Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ картину и поднесъ ее мнѣ. Хорошо?

— Да, хорошо!

— Нѣтъ, лица-то, лица! Сколько души! Всмотритесь!

— Вижу, вижу!

— А самъ князь, а чиновники его, а просители! Нѣтъ, цѣльность эта, непосредственность и искренность!..

— Да, да, вижу, чувствую!

— Видите?.. хорошо видите?.. Это тоже отъ Бога!..

Онъ повѣсилъ картину на прежнее мѣсто, подошелъ къ столу и налилъ двѣ рюмки вина.

— Какъ вы думаете, я жидоморь?—спросилъ онъ.

— Да, должно быть, есть... того...

— Ну, такъ выпьемъ!.. Пейте!

— Васъ что-нибудь задѣло, Лаврентій Ардаліоновичъ?

— Спасибо и за вопросъ; онъ заключаетъ въ себѣ предположеніе о возможности съ моей стороны обиды; а это уже хорошо... Думается мнѣ въ такія минуты, что ругательное это слово... Я—*фобъ* по неволѣ, почти безсознательно, всего, на что натравливаетъ меня любая „бу-мага“. Увижу на улицѣ торговца, и сейчасъ мысль: приказано провѣрять торговые документы... А есть-ли у него, чортъ бы его побралъ, торговое свидѣтельство?.. Навѣрное, мошенникъ, не выправилъ. Ну, и такъ далѣе... Гоняясь столько лѣтъ за такими вотъ фактами, невольно—поймите меня, совершенно невольно—привыкаешь къ мысли, что нѣтъ на свѣтѣ преступленія хуже, чѣмъ преступленіе противъ документа. И на людей-то начинаешь смотрѣть съ одной только этой точки зрѣнія! (Онъ засмѣялся.) Вѣрите ли, забываешь, что это живые люди, что ихъ можетъ интересовать что-нибудь поважнѣе моихъ документовъ... А ужъ жида! Тридцать лѣтъ имѣю съ ними дѣло; знать ихъ, по совѣсти, я знаю только съ внѣшней стороны, по наслышкѣ, но, какъ честный служака, уже потому ихъ особенно преслѣдую, что у нихъ-то какъ разъ цѣлая пропасть этихъ нарушеній. Почему это выходитъ: нужда ли, условія ли, а въ это не вхожу... Только изрѣдка, какъ вотъ

сегодня, позволяешь себѣ воспарить умомъ къ общимъ причинамъ, а въ обычное время, когда я весь во власти „бумаги“,—они для меня ужасные преступники! Еврей, въ моихъ глазахъ, это—существо, неустанно занятое обходомъ закона, точно у него и нѣтъ другихъ нуждъ, ни семьи, ни любви, ни надеждъ, ни горя. Такъ и кажется, что и на свѣтъ-то онъ родился лишь для того, чтобы обходить законъ да раздражать полицейскихъ чиновниковъ... Вотъ до какой логики доходишь!.. Резонъ? Хороши, я васъ спрашиваю, гражданскія понятія Лаврентія Алексѣева, зачитывавшагося когда-то Щедринымъ и имѣвшаго возвышенные взгляды?..

Онъ выпилъ еще рюмку, понгралъ тремя пальцами и продолжалъ:

— Спасибо еще за то, что хоть порой сердчишко да умишко даютъ себя знать, что способенъ еще переживать такія мгновенія, какъ вотъ теперь... Искра божья, значитъ, есть; да сколько нужно свалить съ души хламу, чтобы отыскать-то ее!.. Повѣрите ли,—какъ порой на васъ я злился! Изъ-за васъ вѣдь, пожалуй, и гадость-то эту съ протоколомъ поторопился сдѣлать... Вотъ думаешь: жить будетъ человѣкъ, волноваться, живое дѣло дѣлать... А я... Заживо погребенный! Эхъ, чтѣ толковать! Будетъ, не могу, не могу я!..

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, и глаза его сдѣлались влажными.

— Тряпка, мочала—и больше ничего. Машина!

— Тяжелый разговоръ; оставимъ его, Лаврентій Ардалионовичъ!

— Тяжелый? Я радъ, что онъ тяжелый; я благословляю такое состояніе, когда оно меня охватываетъ въ особенныхъ случаяхъ; я отъ души благодаренъ старому жиду, Шлёмѣ!

Одной фразой онъ опеломилъ, отрезвилъ меня! Для меня это былъ только Шлёма „безъ разрѣшенія“, Шлёма хитрецъ, Шлёма бѣглый... Ну-съ, а Шлёма человѣкъ, Шлёма съ убѣждениями, Шлёма съ горькимъ прошлымъ, Шлёма съ именемъ Божиимъ на устахъ,—это неожиданность, это что-то такое изъ старыхъ книгъ, которыми зачитывался въ молодости... Шлёмка боленъ, Шлёмка еле дышетъ, Шлёмку притащили въ кутузку... „Все отъ Бога“! А? какъ вамъ это нравится! Болѣзнь, напасть, кутузка и въ томъ числѣ Лаврентій Алексѣевъ—все отъ Бога! Возьмите вотъ его!.. А Лаврентія Алексѣева Шлёмка ушибъ, это вѣрно..

Онъ помолчалъ, выпивъ еще, и, поднявъ на меня глаза, въ которыхъ свѣтилась грусть, сказалъ:

— Ушибъ, это вѣрно! Да что толку! Минутное раздраженіе мысли, которому нѣтъ исхода...

— Лаврентій Ардаліоновичъ, — сказалъ я.—А не будетъ это слишкомъ „гуманно“, если...

— Что такое?

— Вы вотъ сами признаете, что виноваты передъ Шлёмой...

— Безусловно-съ...

— И именно тѣмъ, что не признавали въ немъ человѣка...

— „И именно“! да говорите дѣло!

— Такъ покажите и ему, и другимъ, что вы теперь человѣка признали. Поѣдемъ вмѣстѣ къ больному. Еврей это оцѣнитъ...

Лаврентій Ардаліоновичъ широко раскрылъ глаза: для него было неожиданно такое предложеніе. Послѣ недолгаго раздумья онъ, однако, рѣшился:

— Ёдемъ сейчасъ же! Андрей, бѣгунки!

— Вы какъ-нибудь, чтобы онъ не испугался!—сказалъ онъ, когда бѣгунки остановились возлѣ хаты, въ которой жилъ Шлёма.

Андрей остался около лошади, а мы вошли во дворъ. Сквозь разбитую ставню мы различили кучу гостей, окружавшихъ кровать больного. Когда скрипнула калитка, служка синагоги, находившійся въ числѣ гостей, подошелъ къ окну и, замѣтя насъ, отбѣжалъ къ кровати, слѣдствіемъ чего было то, что въ сѣняхъ мы столкнулись со всѣми посѣтителеми Шлёмы, спѣшившими убраться. Я вошелъ первымъ въ хату, за мной Лаврентій Ардаліоновичъ. Шлёма лежалъ на чистомъ постельномъ бѣльѣ, былъ укрытъ старымъ одѣяломъ и пальто, а у спинки кровати стояла жена его съ „настоемъ“ и плакала. Съ печи выглядывали дѣтскія головы, грязныя, взъерошенныя. Хозяйка съ отчаянной мольбой посмотрѣла на надзирателя, прося его взглядомъ не отрывать теперь отъ нея больного мужа... Шлёма пошевелился, выпучилъ глаза и даже силился приподняться, но Лаврентій Ардаліоновичъ движеніемъ руки далъ понять, чтобы онъ не тревожился.

— Надзиратель пришелъ навѣстить васъ въ болѣзни!—сказалъ я ему по-еврейски.

Онъ какъ бы не понималъ меня и, повернувъ голову въ сторону надзирателя, обратился ко мнѣ:

— Пусть онъ сядетъ!..

Я поставилъ стулъ возлѣ Лавренія Ардаліоновича и предложилъ ему сѣсть. Онъ сѣлъ, снялъ фуражку и съ искреннимъ участіемъ сталъ оглядывать больного, его семью, окна, дверь, сырыя стѣны...

— Каково вамъ, Шлёма?

— Пусть онъ говоритъ громче!—сказалъ мнѣ Шлёма:— что онъ говорить?

Я объяснилъ.

Онъ кивнулъ надзирателю головой и улегся по прежнему. Жена его все суетилась за печкой и „шушукалась“ съ дѣтьми.

— Вы не безпокойтесь, Шлёма!—говорилъ Лаврентій Ардалионовичъ:—васъ теперь никто не тронетъ!

Больной повелъ глазами въ мою сторону. Я догадался и передалъ ему сущность обращенной къ нему фразы. Шлёма такъ сморщилъ лобъ и шевельнулъ губой, что я вспомнилъ его же слова: „Есть о чемъ безпокоиться! Когда оно меня не задѣваетъ? Я иду себѣ своимъ ходомъ!“...

Это движеніе замѣтилъ и гость, и словно почувствовалъ все безсиліе своей власти. Шлёма теперь никого не боялся; онъ былъ безучастенъ ко всему... Лаврентій Ардалионовичъ почувствовалъ себя совсѣмъ неловко и началъ осматривать помѣщеніе; больной закашлялъ, свѣсилъ голову надъ стоявшей на стулѣ чашкой, сплюнулъ и легъ на спину. Вдругъ онъ круто повернулся на бокъ лицомъ къ намъ и, глядя на надзирателя, пытливо, съ оттѣнкомъ снисходительности, съ наболѣвшей злобой къ чему-то общему, родственному ему, надзирателю, по духу, сказалъ мнѣ почти повелительно, не заботясь о моемъ согласіи:

— А ну, спросите его: чему учить Богъ?

Я смѣшался; надзиратель замѣтилъ это и настоятельно потребовалъ отъ меня объясненія сказаннаго Шлёмой, и я исполнилъ его требованіе.

— Люби... всѣхъ людей, какъ самого себя! вѣдь вы знаете!—сказалъ Лаврентій Ардалионовичъ...

Я передалъ это Шлёмѣ; тотъ разинулъ ротъ, широко раскрылъ глаза, словно его ошеломили, и, подумавъ мгновеніе, ѣдко улыбнулся... Онъ обвелъ глазами надзирателя, потомъ печку, потомъ жену, потомъ свою кровать и снова

ѣдко улыбнулся... Этотъ жестъ былъ слишкомъ многорѣчивъ: тутъ вкратцѣ передавалось все прошлое и настоящее... Шлёма тяжело вздохнулъ, легъ навзничъ, смотря въ потолокъ, медленно вынулъ изъ-подъ подушки какую-то тряпку и сталъ вытирать глаза...

— Шлёма! — вскрикнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, вставъ:—выслушай, что я тебѣ скажу!—Но тотъ не слушалъ, и надзиратель обратился ко мнѣ:—Пожалуйста передайте...

Но я ужъ ничего не могъ передавать. Шлёма началъ читать что-то шопотомъ и съ заглушенными рыданіями ударялъ себя кулакомъ въ грудь послѣ каждаго слова... Это была исповѣдная молитва...

— Онъ исповѣдуются!—сказалъ я съ трепетомъ и пошелъ вонъ изъ комнаты; за мной поспѣшилъ надзиратель. Когда мы очутились во дворѣ, до насъ долетѣли громкіе вопли жены Шлёмы и пискъ дѣтей...

— Идите къ Шлёмѣ!—крикнулъ я замѣченнымъ мною евреямъ, заглядывавшимъ въ щели ставень.

Мы возвратились домой и долго не раздѣвались, не говоря другъ съ другомъ ни слова: каждый изъ насъ былъ погруженъ въ свои думы. А вѣтеръ свисталъ и вылъ въ трубѣ... Наконецъ мы раздѣлись и погасили лампу. Я къ полуночи уснулъ, но былъ разбуженъ шагами Лаврентія Ардаліоновича, который расхаживалъ по комнатѣ въ туфляхъ при свѣтѣ лампы, съ взъерошенными волосами. Онъ замѣтилъ, что я проснулся, и сурово сказалъ:

— Зубы! чортъ ихъ дери... Да спите, коли спитесь...

Я притворился спящимъ и проворочался до утра. Около семи часовъ я всталъ. По улицѣ проходили мастеровые, слышался лай, грохотъ бричекъ. Вдругъ раздался рѣзкій

звукъ отъ встряхиванія жестяной коробкой, въ которой уже лежатъ монеты... Я подошелъ къ окну...

Сердито ступая, раздвигая рукой проходящихъ, шель служка, потрясая кружкой съ монетами. „Благотворительность спасаетъ отъ смерти!“—выкрикивалъ онъ по древне-еврейски.

Это были похороны... Показались простыя носилки... Несли Шлёму... За носилками плелась жена его съ громкими рыданіями, тащился мальчикъ въ отцовскомъ пальто и большихъ сапогахъ, были какія-то еврейки, а толпа евреевъ провожала покойника съ грустными лицами и торопливыми движеніями.

„Благотворительность спасаетъ отъ смерти!..“

— Неужели умеръ?—произнесъ Лаврентій Ардаліоновичъ и подошелъ къ окну.

— Какъ видите!

Онъ покрутилъ усы, насупилъ брови и съ досадой сказалъ:

— Какъ это у васъ даже умирать скверно: тащатъ какъ падлу, торопятся, словно въ шею гонять!!..

— Торопятся, Лаврентій Ардаліоновичъ, торопятся: они глубоко вѣруютъ, что на томъ свѣтѣ имъ будетъ лучше; ну, вѣрно, и не терпится... поскорѣ бы!..

Въ это время изъ передней вошелъ Кагайловъ, въ вычищенныхъ сапогахъ, съ вымытымъ, свѣжимъ лицомъ, съ бумагой въ рукѣ; онъ сдвинулъ ноги, приставилъ руку къ козырьку и отчетливо доложилъ:

— Въ мистэчки Мыколаевки усé благополучно! Съ добрымъ утромъ, ваше благородіе!

12-1

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

1907

В. П. БОТНИКОВ
1907

